

Архиепископ ЛОЛЛИЙ (Юрьевский)

## АЛЕКСАНДРИЯ И ЕГИПЕТ

Глава из церковно-исторического исследования  
«Украинская лжеиерархия (Липковщина)»

### ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый нами ряд статей представляет собою лишь одну главу из обширного церковно-исторического исследования, написанного нами еще в 1922 г. в обличение возникшей 10 (23) октября 1921 г. в Киеве новой ереси [липковщины] и ее лжеиерархии. Тогда же это исследование в конспективном виде выпущено было нами в качестве «Послания» к духовенству вверенной нам епархии, как руководство для православных священников в их борьбе с воинствующими липковцами.

В полном своем виде исследование наше состоит из следующих восьми глав:

1. Украина и ее лжеиерархия.
2. Происхождение церковной иерархии и древние харисматики.
3. Правила св. апостолов и учение об иерархических степенях в доникейской литературе.
4. Критический обзор сведений о поставлении в иерархические степени без рукоположения.

Архиепископ Лоллий (Александр Иванович Юрьевский, род. в 1875 г.) окончил Казанскую духовную академию в 1901 г., был преподавателем Тобольского епархиального училища, с 1910 г.—преподавателем и с января 1914 г.—инспектором Тобольской духовной семинарии, с 31 декабря 1914 г.—смотрителем Единецкого духовного училища Кишиневской епархии. Много печатался в «Тобольских епархиальных ведомостях», известны его студенческая работа «Марк Подвижник и его новооткрытое «Слово против несториан», напечатанная в «Православном собеседнике», 1900, № 5, с. 1—66, в «Сборнике сочинений студентов Казанской академии», вып. 1, и отдельно, Казань, 1900, и [священника А. Юрьевского] «Гомилетика, или наука о пастырском проповедании слова Божия», Киев, 1903, VII+495 с. В 1921 г. в Киеве Патриаршим Экзархом Украины митрополитом Михаилом (Ермаковым) хиротонисан во епископа Могилевско-Подольского. Затем состоял в Украинской Православной Автокефальной (Синодальной) Церкви — довольно пассивно. Был архиепископом Подольским и Брацлавским (1925 г.), Могилев-Подольским (1928 г.). В начале 30-х годов возвратился в Патриаршую Церковь, принеся покаяние Митрополиту Сергию (Страгородскому). Был принят в сане епископа, жил в г. Ржеве, умер 11 февраля 1935 года.

Предлагаемое исследование Преподобного Лоллия, первоначально опубликованное в харьковском журнале «Український православний благовісник», 1926, № 21—1927, № 21—22, представляет несомненный научный интерес. На него ссылался Митрополит Сергей в статье «Значение апостольского преемства в инославии» («Журнал Московской Патриархии», № 23—24 (1935), с. 7: «...по исследованию Преподобного Е[пископа] Лоллия Юрьевского (см. гл. VII. Александрия и Египет, § 17. Коллузианское движение)...»).

В качестве оригинала мы располагали книгой в 328 стр., где архиепископ Лоллий на чистых листах бумаги аккуратно расклеил вырезанный из журналов «Благовісника» текст статьи, исправил опечатки и сделал небольшие дополнения. При подготовке к печати мы восстановили греческий текст и уточнили некоторые цитаты и подстрочные примечания.

В том же «Українськом благовіснике» были напечатаны статьи архиепископа Лоллия: «Неправедный управитель. (Лук. XVI, 1—8). Историко-археологическое изложение притчи» (1926, № 18); ««Дружина» или сестра? (Агиологическая справка)» (1928, № 7); «Песнь песней Соломона» (1928, № 8).

5. Критический обзор сведений о совершении рукоположений пресвитерами.

6. Каноны Ипполита и ареопагитские сочинения.

7. Александрия и Египет.

8. Невежественный проект.

Каждая из указанных глав распадается на несколько параграфов.

Духовенство не только вверенной нам епархии, но и других украинских епархий неоднократно обращалось к нам с просьбой, чтобы мы издали свой труд в печатном виде, так как с некоторыми извлечениями из нашего труда имели возможность ознакомиться участники как Харьковского Предсоборного Совещания 1924 г., так и Всеукраинского Поместного Собора 1925 г. Не располагая для такого издания потребными средствами, мы, конечно, не имели возможности удовлетворить такого желания православных борцов с самосвятством. Ныне же, благодаря редакции нашего синодального органа [«Український православний благовісник»], мы нашли возможность отпечатать из своего исследования пока одну главу и этим ознаменовать тридцатилетие своей скромной, но непрерывной литературной деятельности, начавшейся в ноябре 1896 года. Хотя мы с своей стороны считаем наиболее важною и интересною по новизне взглядов первую главу «Украина и ее лжеиерархия», тем не менее на первый раз мы решились издать иную главу, касающуюся предмета, чаще всего упоминаемого липковцами и в то же время им совершенно неведомого. Это—

## ГЛАВА 7. АЛЕКСАНДРИЯ И ЕГИПЕТ

- § 1. Либерат.
- § 2. Блаженный Иероним.
- § 3. Достопримечательное примечание.
- § 4. Севир ибну-ль Мукаффа.
- § 5. Александрийская избирательная практика.
- § 6. Евтихий александрийский.
- § 7. Египетские епископы.
- § 8. Евсевий о древнейших епископах Египта.
- § 9. Начало египетского епископата.
- § 10. Епископские кафедры в Египте.
- § 11. Александрийские пресвитеры.
- § 12. Клирики и церковные деятели в Египте.
- § 13. Права александрийско-египетских пресвитеров.
- § 14. Епископы-пресвитеры.
- § 15. Кандидаты в александрийские епископы.
- § 16. Безвестный шакал.
- § 17. Коллуфианское движение.
- § 18. Пафнутий и Даниил.
- § 19. Резюме.

Одним из побуждений к изданию в свет предлагаемых статей служит брошенный нашему православию одним из липковских лжеепископов (в письме на имя Высокопреосвященнейшего митрополита Киевского Иннокентия) вызов поставить полемику с самосвятством на научную почву. Этот вызов мы принимаем. Пусть бросивший вызов убедится, что священная и символическая книга липковцев «За церкву, Христову громаду, проти царства тьми», написанная «творцом и зиждителем» самосвятельства Вл. Чеховским, ничего общего с церковно-исторической наукой не имеет.

Так как предлагаемый ряд статей есть не отдельное сочинение, а лишь одна из глав церковно-исторического исследования, то православный читатель должен иметь в виду, что он будет иметь дело не с началом, а с продолжением исследования. Поэтому, быть может, к своему неудовольствию, он будет встречаться иногда не с подробным изложением и разъяснением того или иного попутного вопроса, а только с упоминанием о по-

следнем, как уже о разрешенном в предшествующих главах. Во всех таких случаях мы указываем главу и параграф, где таковой вопрос был нами уже исследован; быть может, настанет время, когда увидят свет и другие главы нашего труда.

Очень возможно, что многие борцы против самосвяства, да и вообще православные читатели желали бы получить относительно «александрийской практики» сочинение общедоступного и популярного характера. Желание законное. Но пусть все такие читатели знают, что популярные сочинения возможны только тогда, когда есть серьезные ученые исследования. Мы предлагаем именно такое исследование, где почти каждый параграф является новым словом в церковно-исторической науке — не только русской, но и европейской. Сделать же популярное изложение результатов нашего исследования мы предоставляем другим лицам.

Архиепископ Лоллий

[1926]

## § 1. Либерат

При критическом обозрении как книжки Вл. Чеховского «За церкву, Христову громаду, проти царства тьми» (Харьков, 1922), так и рукописных произведений липковского общества, базирующихся исключительно на той же книжке Чеховского, мы отметили, что всего более липковцы стараются оправдать свое «киевско-софийское действо» (лжехиротонию Василия Липковского 10/23 октября 1921 г.) «примером александрийской церкви». А один из самосвятских лжеепископов в своем рукописном «воззвании» к народу, млея пред «изобильной благодатью митрополита Василия», счастливый своим «духовным прозрением», решительно уверял всех: «Пример церкви александрийской, в коей до 250 г. христианской эры священники и миряне избирали и посвящали себе епископа, — этот пример действительно правильный и никем не может быть отвергнут».

Какое представление имеют наши самосвяты об «александрийской практике», это видно из книжки Вл. Чеховского, в которой приведены в качестве авторитетных и непогрешимых оснований подстрочные примечания из книги проф. А. Спасского «История догматических движений в эпоху вселенских соборов» (Сергиев Посад, 1906, стр. 138—139 [второе издание: там же, 1914]) и из «Лекций по истории древней Церкви» проф. В. Болотова (т. II, СПб., 1910, стр. 457), где примечания, впрочем, сделаны не самим Болотовым, а А. Бриллиантовым. В этих примечаниях Чеховский нашел тексты из блаж. Иеронима, Севера антиохийского, Евтихия александрийского и Восточной Патрологии. Заимствуя эти тексты не из первоисточников, а из вторых и даже третьих рук, создатель и апологет самосвятской лжеиерархии, конечно, не мог знать полного контекста первоисточников, не мог критически отнестись к словам авторов указанных примечаний, не мог научно выяснить и осветить подлинный смысл нередко темных и загадочных выражений древних писателей. Да и ссылаясь лишь на примечания Спасского и Бриллиантова (когого он принимает за знаменитого В. Болотова), он обнаруживает не только жалкое незнание церковно-исторических первоисточников, но и слишком скудное знакомство с русской богословской и церковно-исторической литературой последних 50 лет. Впрочем, может быть, это и к лучшему. Если бы он был более знаком с этой литературой, он нашел бы в ней еще целый ряд выписок из древних церковных писателей, и эти выписки сообщили бы ему из церковной жизни древней Александрии много неожиданного для него, и он тогда, при своем незнании церковной истории и при полном отсутствии критических способностей, быть может, создал бы в самом буквальном и грубом смысле «самосвяство» без всякого рукоположения с чьей бы то

ни было стороны. Эти выписки или «свидетельства» из древних церковных писателей, рассеянные в разных русских церковно-исторических сочинениях новейшего времени, иногда находящиеся почти в рабской зависимости от протестантских ученых, не только не уясняют, но прямо-таки затемняют и без того мало известную и неясную историю александрийской церкви древних веков. Выхваченные вне всякого контекста, не освещенные и не проверенные чрез сопоставление с ясными и достоверными сообщениями других первоисточников, эти «свидетельства» изображают церковную жизнь древней Александрии в виде какого-то хаоса, какой-то бесполокковой анархии, где нет ничего определенного установившегося, ничего закрепленного какими-либо правилами и законами. По этим «свидетельствам» древняя Александрия в семье христианских автокефальных церквей представляется каким-то уродом, по своему устройству слишком непохожим на прочие церкви.

В самом деле, чего только мы не найдем в этих отрывочных текстах и свидетельствах из древней истории александрийской церкви! Приводятся немцами-протестантами «свидетельства» и о том, что в Александрии никакого рукоположения совсем не было, а кандидаты в епископы сами совершали над собою посвящение и были, значит, в самом грубом и буквальнейшем смысле «самосвятами»; извлекаются «свидетельства» и о том, что посвящение над александрийскими епископами совершал «народ», т. е. одни лишь миряне; выписываются «свидетельства», говорящие о посвящении александрийского епископа мирянами совместно с пресвитерами; сообщаются «свидетельства» и о посвящении александрийского епископа одними лишь пресвитерами, причем приводятся якобы и конкретные примеры того, что александрийские и даже вообще египетские пресвитеры совершали рукоположения и в диаконский и пресвитерский сан. Намеренно замалчиваются одни только те свидетельства, из коих ясно усматривается, что рукоположение александрийских епископов совершали епископы, как это было всегда и повсюду в Христовой Церкви. Конечно, протестантские ученые, даже при своих иногда поразительно колоссальных познаниях всегда остающиеся верными своим конфессиональным тенденциям, часто злонамеренно придают совершенно ложное и превратное толкование древним «свидетельствам» касательно александрийской церкви. Представители же нашей молодой русской церковно-исторической науки, следуя протестантским авторитетам, совершенно упускают из вида, что у протестантов во всех их богословских и церковно-исторических трудах неизгладимо царит одна тенденция, именно — борьба с живым церковным преданием, сохраняемым от дней апостольских как на Востоке, так и на Западе. Сознательно и тенденциозно подбирая разного рода «свидетельства» в целях отвержения богоустановленной церковной иерархии, протестанты всегда имеют пред своим взором ненавистную им римско-католическую иерархию, от которой они отпали. Наши же русские ученые, родившиеся в стране живых церковных преданий и воспитавшиеся под руководством апостольской иерархии, в своих сочинениях, перефразируя немцев, просто хотят щегольнуть якобы новым, неведомым православному христианину словечком, или даже целым воображаемым «открытием» в области церковной истории, и это щегольство неприкровоенно проглядывает у них даже в самой манере выразиться — сколько хвастливо, столько же и боязливо — недомолвками и загадочными намеками.

Приступая к рассмотрению упомянутых «свидетельств», мы еще раз повторим великие слова покойного епископа смоленского Иоанна ([Соколова], † 1869 г.): «Мы не боимся за истину, и истина не боится за себя». В этой главе мы сначала рассмотрим свидетельства о «самопосвящении» александрийских епископов, затем перейдем к разбору сведений о рукоположении их мирянами и, наконец, подвергнем критическому рассмотрению свидетельства о рукоположении их пресвитерами. Мы будем касаться не только тех «свидетельств», которые знакомы Вл. Чеховскому, а через

него и прочим липковцам, но предусмотрительно подвергнем критическому разбору и те «свидетельства», которые им еще не известны, но рано или поздно могут сделаться известными из трудов протестантско-немецких писателей, а также и церковно-исторических исследований русских богословов, пользовавшихся немецкими пособиями.

Мы начнем с того «свидетельства», которое говорит в пользу якобы полного «самосвятства» древних александрийских епископов. В западно-европейской литературе оно известно с 1538 г., когда францисканский монах Петр Краббе издал в Кельне свое «Собрание соборов». Но в нашей русской литературе с ним познакомил впервые профессор Казанской духовной академии прот. А. Дружинин в своем исследовании «Жизнь и труды св. Дионисия Великого, епископа александрийского» (Казань, 1900). Это свидетельство принадлежит Либерату, западному писателю, который нашим русским богословам почти неизвестен. Прот. А. Дружинин, сказав о достижении св. Дионисием епископского сана, сделал такое добавление: «Древние писатели упоминают о некоторых обычаях, соблюдавшихся в александрийской церкви при избрании и поставлении новых епископов». Затем, приведя известные и липковцам слова блаж. Иеронима, прот. А. Дружинин продолжает: «По свидетельству диакона Либерата, жившего в VI в., в Александрии существовал еще обычай, чтобы преемник почившего епископа оберегал его тело и правую руку его возлагал на свою голову и, по совершении погребения своими руками, брал и надевал на свою шею мантию блаженного Марка и тогда законно восседал на престол». «Конечно, — поясняет прот. А. Дружинин, — из приведенных свидетельств нельзя выводить того заключения, будто при поставлении александрийского епископа не было епископского возложения рук на вновь избранного епископа; блаж. Иероним и диакон Либерат указывают лишь на то, какие обычаи соблюдались в александрийской церкви при избрании и поставлении нового епископа помимо всем известных правил, соблюдавшихся во всех церквях без различия»<sup>1</sup>. Неуверенная оговорка, сделанная прот. А. Дружининым, показывает, что он привел означенное свидетельство не непосредственно из сочинения Либерата, а заимствовал его из вторых рук. Из сочинения прот. А. Дружинина это «свидетельство» было перенесено проф. А. Покровским в его обширный труд «Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков» (Сергиев Посад, 1914), но уже с истолкованием в духе чистейшего протестантизма. Доверчиво полагаясь на авторитет известного А. Гарнака и других протестантских ученых, проф. А. Покровский решительно уверяет, что «вся египетская церковь до 30-х годов III в. не только канонически (?!), но и фактически управлялась лишь одним александрийским епископом»<sup>2</sup>. Отсюда — стародавний протестантский вывод: раз на весь Египет был только один епископ, то по смерти его Египет оставался и совсем без епископа; не было, значит, в Египте никаких епископов, которые могли бы рукоположить преемника почившему. Вот почему проф. А. Покровский, выписав из сочинения о Дружинина свидетельство Либерата, заявляет о своем несогласии с мнением прот. А. Дружинина и определенно пишет: «Своеобразие древне-александрийской епископской хиротонии несомненно заходило гораздо дальше невинных добавлений и затрагивало вопрос о хиротонии по самому его существу. Однако такое уклонение от общего правила епископской хиротонии отнюдь не обуславливалось какими-либо принципиальными мотивами, а диктовалось простой, практической необходимостью — отсутствием других епископов во всем Египте»<sup>3</sup>. Правда, проф. А. Покровский, высказывая такое мнение, держит уклон в сторону совершения епископ-

<sup>1</sup> Дружинин А. прот. [свящ.] Жизнь и труды св. Дионисия Великого, епископа Александрийского. Каз., 1900, стр. 147.

<sup>2</sup> Покровский А., проф. Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков. Серг. Пос., 1914, стр. 316.

<sup>3</sup> Там же, стр. 314.

ской хиротонии в Александрии пресвитерами, хотя в отрывке из Либерата ни одним словом не упоминается о пресвитерах. Но старые протестантские ученые пользовались словами Либерата для отрицания какого бы то ни было рукоположения над древними александрийскими епископами.

В самом деле, «свидетельство» Либерата в том виде, в каком оно заимствовано прот. А. Дружининым из какого-то протестантского сочинения, является вполне благоприятным для теории самопосвящения. В приведенном отрывке из Либерата решительно ничего не говорится о каком-либо рукоположении. Да нового епископа как будто и некому рукополагать, так как он вступает в свое служение тотчас по смерти предшественника, останки коего он должен похоронить своими руками; оставаться же долгое время без погребения эти останки, конечно, не могли, ввиду возможного их разложения. Сама собою напрашивается чисто протестантская мысль, что кандидат в александрийские епископы совершает над собою самопосвящение, возлагая на себя святительскую десницу почившего епископа и надевая на себя священную реликвию евангелиста Марка. Сделавшись, таким образом, чрез самопосвящение епископом, преемник почившего приступал к погребению последнего и только уже после похоронного обряда, когда прежний епископ не оставался в своей епископии даже и останками, восходил на архиерейскую кафедру, как законный александрийский епископ.

Но фантазировать в таком направлении можно лишь или при совершенном незнакомстве с подлинным сочинением Либерата, или же при намеренном замалчивании полного текста Либератова сообщения. Нужно отметить, что Либерат в современной церковно-исторической науке пользуется большим уважением и доверием. Не обладая обработанным и гладким стилем, он пишет обстоятельно, добросовестно и правдиво, несмотря на принадлежность к защитникам так называемых «трех глав» (т. е. Феодора мопсуест[ий]ского, Ивы эдесского и Феодорита кирского). Его труд, составленный им около 564 г., обычно называется «Бревиарием», полное же его заглавие такое: «Краткое изложение дела несториан и еutihian» — *Breviarium causae nestorianorum et eutihianorum*. Либерат был уроженец Карфагена и состоял архидиаконом шестого района (*regionis*) карфагенской церкви, но с обстоятельствами несторианского и монофизитского движений был знаком очень хорошо, так как проживал несколько лет на греческом Востоке и кроме того руководился, по его словам, сочинением какого-то греческого и, что весьма ценно, александрийского писателя — свидетеля и очевидца церковных событий VI в.

Приведенные прот. А. Дружининым слова находятся в XX гл. Бревиария. В этой главе Либерат повествует о событиях в монофизитской среде, происшедших по смерти александрийского монофизитского патриарха Тимофея III († 535 г.). В то время александрийские монофизиты распались на две партии. Одни следовали учению бывшего антиохийского патриарха Севера (вернее Севира) и назывались фтартолатрами («тленопоклонниками»), другие держались учения Юлиана галикарнасского и известны были под именем афтартодокетов («нетленномнителей») или фантазиастов. Каждая из этих партий хотела посадить на патриарший престол своего кандидата. К партии фтартолатров, или севериан, принадлежала большая часть клира, а также знатнейшие граждане и государственные чиновники, между прочим кубикулярый (камергер) императрицы Феодоры Калотихий, полковник Аристомах и августал (сенатор) Диоскор. Эта партия выдвинула кандидатуру ученого монаха Феодосия. Простой же народ и монофизитские монахи, державшиеся афтартодокетских воззрений, желали видеть на патриаршем престоле Гайяна, который ранее был в Александрии архидиаконом. Народное волнение, поддерживаемое монахами, не дало Феодосию возможности удержать за собой патриарший престол. По изгнании Феодосия из Александрии, монахи и народ посадили на патриаршую кафедру своего избранника Гайяна. По словам

болландиста Соллерия, Гайян в то время был уже будто бы «архиепископом» (?), и партия юлианистов только «интронизировала» его<sup>4</sup>. Но и он занимал кафедру только 103 дня, после чего был удален с нее гражданскими властями, а через два месяца затем прибыл из Константинополя знаменитый впоследствии византийский полководец, будущий победитель ост-готов, Нарсес и, после кровопролитной борьбы на улицах Александрии между правительственными войсками и толпами сторонников Гайяна, восстановил Феодосия. Гайян же был отправлен в ссылку сначала в Карфаген, а затем в Сардинию. Впрочем, и Феодосий оставался на кафедре только год и четыре месяца. Так как в Александрии почти никто из монофизитов не стал подчиняться ему, то, по распоряжению императрицы Феодоры, покровительствовавшей северянам, он с почетом (*cum honore*) отозван был в Константинополь. Давая такие сообщения об александрийских событиях, Либерат, в отделе о борьбе за кандидатуру на освободившийся патриарший престол, буквально пишет следующее:

«По смерти александрийского епископа Тимофея, *рукополагается* (*ordinatur*), по желанию и требованию кубикулярия Калотихия, сторонника Феодоры августы, Феодосий. Хотя он имел приговор клира, но народный мятеж не допустил его приверженцев противоречить (толпе); монахи, которых у него не было, стояли за Гайяна. Между тем в Александрии существует (*est*) такой обычай, что преемник усопшего (епископа) охраняет его тело, возлагает его правую руку на свою голову и, похоронивши своими руками, надевает на свою шею паллий (*pallium*) блаженного Марка и тогда законно занимает кафедру. В то время, как Феодосий ночью предпринимает это, народ и монастыри проведали о том, что было сделано вечером в епископии, по прихоти Калотихия и сановников, т. е. полковника Аристомеха и августа Диоскора: тотчас же подвергли Феодосия преследованию и изгнанию, чтобы не взял на себя погребения Тимофея»<sup>5</sup>.

Итак, Либерат определенно говорит, что Феодосий, по требованию правительственных лиц и при их содействии, был уже возведен в сан епископа и получил *надлежащее рукоположение* (*ordinatur*). Оставалось ему только получить интронизацию, т. е. законно взойти на кафедру, как преемнику евангелиста Марка и подлинному александрийскому епископу. Интронизация же в VI в. соединена была в Александрии с чином погребения умершего епископа и с возложением новым епископом на себя паллия св. Марка. Феодосий, как рукоположенный вопреки народному желанию и не имевший для себя поддержки со стороны монахов, которые пользовались громадным влиянием на народ, не мог совершить чин погребения Тимофея III открыто и публично, а потому задумал всё это сделать тайно от народа в ночное время. Но народ, узнав о совершённой над Феодосием хиротонии, не допустил его до интронизации.

В пояснение к сделанному Либератом сообщению мы напомним, что латинские термины *ordino* и *ordinatio* у церковных писателей всегда имеют только один определенный, установившийся смысл: рукополагаю (хиротонисую) и рукоположение (хиротония). Паллий св. Марка, возлагаемый на себя новопоставленным епископом, прот. А. Дружинин и проф. А. Покровский ошибочно приняли за мантию. На языке западных церковных писателей, к коим принадлежит и архидаекон Либерат, паллий — не мантия, а омофор. В западной церкви архиерейский омофор и доселе именуется паллием (*pallium*). Паллий напоминает собою наш омофор, но не церемониальный (большой), а тайносовершительный (малый). Он по древнему обычаю бывает соткан из белой шерсти, ширину имеет менее двух вершков, украшается черными шелковыми крестами и такими же наколочниками. Подобно малому омофору, паллий надевается католическими

<sup>4</sup> Acta sanctorum, junii, t. V: Patriarcharum alexandrinorum historia chronologica. cap. 342.

<sup>5</sup> Migne Patrologiae cursus completus. Series latina, tom. LXVIII, col. 1036

епископами на шею так, что концы его висят на груди. Относительно того, что хиротония Феодосия совершена была вечером, нужно иметь в виду, что при ожидании противодействий и беспорядков со стороны юлианистов, партия севериан действовала скрытно и спешно, не теряя времени и не смущаясь неурочными часами. Это в истории — не единственный случай. Известно, что римский антипапа Новациан, глава кафаров, был рукоположен тремя итальянскими епископами в 4 часа пополудни после хорошего обеда с обильной выпивкой<sup>6</sup>.

Из сообщения Либерата не видно, с какого времени описанный им обычай вошел в употребление: существовал ли он с первых лет христианства в Александрии, или же возник только в эпоху монофизитства. Известный католический писатель XVIII века, автор «Хронологической истории александрийских патриархов», болландист (незудит) Соллерий высказывает предположение, что эта «столь необычайная церемония введена была в Александрии, быть может, ради почитания св. Марка»<sup>7</sup>, но когда была введена, об этом он не делает никаких догадок. Впрочем, возможно, что этот обычай имел своего рода древность и существовал в Александрии не только в эпоху монофизитства, но и в более ранние времена чисто православия. Ведь, по сообщению Либерата, поставление нового епископа в Александрии происходило незамедлительно по кончине прежнего, и новый епископ должен был совершить над телом своего предшественника погребальный обряд. Справедливость этого сообщения находит себе в древней христианской письменности неоднократное подтверждение. Так, церковный историк Сократ Схоластик († после 439 г.), живший целым столетием раньше Либерата, сообщив, что Феофил, епископ александрийский, скончался 15 октября 412 г., добавил затем, что «Кирилл возведен был на престол уже в третий день по смерти Феофила»<sup>8</sup>. Еще раньше Сократа св. Епифаний Кипрский († 403 г.) в своем «Панарии» писал: «В Александрии существует обычай, чтобы после смерти епископа не слишком замедляли с его преемником, но ради сохранения мира, тотчас бы избирали, дабы в народе, при требовании одними одного, а другими другого, не происходили распри и ссоры»<sup>9</sup>. Кроме того, имеются известия, что некоторые из александрийских епископов пред смертью своею намечали себе заранее преемников и, следовательно, с рукоположением и интронизацией таковых не могло быть никакой задержки. Тот же Сократ о св. Афанасии Великом († 373 г.) сообщает, что «он совершал поприще епископского служения среди бесчисленных опасностей в течение 46 лет и поставил на свое место благочестивого и красноречивейшего мужа Петра»<sup>10</sup>. То же самое сообщается, как увидим ниже, и о более древних епископах: Юлиан († 189 г.) намечает Димитрия, Феона († 300 г.) назначает Петра I, Александр († 328 г.) — Афанасия. Таким образом, есть основания к допущению, что случайно упомянутый Либератом обычай существовал в Александрии не только в VI веке, но и в более ранние времена.

Следовательно, и в очень древнюю эпоху в Александрии существовала такая практика:

1) Кандидат на александрийский епископский престол сначала принимал в обычном порядке каноническое *рукоположение*;

2) затем возлагал на свою голову десницу своего покойного предшественника, как бы желая получить и от него благословение на предстоящее служение;

<sup>6</sup> Евсевий Кесарийский. Церковная история, кн. VI, гл. 43; русск. перевод: СПб., 1848, стр. 389.

<sup>7</sup> Acta - apocorum, junii, t. V: Patr. alex. hist. chron., cap. 49.

<sup>8</sup> Сократ Схоластик. Церковная история, кн. VII, гл. 7; русск. перевод: СПб., 1850, стр. 513.

<sup>9</sup> Епифаний Кипрский. Панарий, ересь 69; русск. пер.: Творения, ч. IV, М., 1880, стр. 120.

<sup>10</sup> Сократ Схоластик. Церковная история, кн. IV, гл. 20; русск. пер.: стр. 348.



3) далее совершал погребение останков своего предшественника (неосомненно, при участии прочих епископов);

4) потом брал и возлагал на себя омофор основателя александрийской церкви, св. евангелиста Марка, как законно преемствующий ему епископ, и

5) наконец, облаченный в этот исторический омофор, он восходил на кафедру, или престол, александрийских епископов.

Отсюда само собою ясно, что «своеобразие древне-александрийской епископской хиротонии» нисколько не затрагивало вопроса о хиротонии по самому его существу, а все особенности александрийского чина были только именно «невинными добавлениями», присоединявшимися к общецерковному порядку епископской хиротонии.

## § 2. Блаженный Иероним

Прот. А. Дружинин в своем труде, заметив, что в древней Александрии при избрании и поставлении местного епископа соблюдались некоторые особенные обычаи, делает ссылку не только на Либерата, но и на блаж. Иеронима, о коем пишет: «В одном из своих посланий блаж. Иероним говорит, что «в Александрии, со времен евангелиста Марка даже до епископов Иракла и Дионисия, пресвитеры всегда выбирали одного из среды своей и, возведши его на высочайшую степень, называли епископом, — так точно, как войско делает императором, а диаконы из своей среды выбирают такого, который известен им за человека рачительного, и называют его архидиаконом». Сделанная прот. А. Дружининым оговорка, что из свидетельств блаж. Иеронима и Либерата «нельзя выводить того заключения, будто при поставлении александрийского епископа не было епископского возложения рук на вновь избранного епископа» [стр. 147], показывает, что автор исследования о св. Дионисии заимствовал обе цитаты из сочинения такого протестанта, который доказывал, что в Александрии епископы не получали никакого рукоположения. Недаром еще в свое время иезуит Соллерий, заметив, что слова Иеронима признаются всеми учеными за не очень ясные, обвинял протестантских писателей в злоупотреблении ими. Но словами блаж. Иеронима злоупотребляют не только протестанты, но и наши самосвяты. Это злоупотребление выражается в том, что все, желающие навязать блаж. Иерониму свои собственные заблуждения, во-первых, намеренно замалчивают слова, как предшествующие этому отрывку, так и последующие за ним, а во-вторых, не считают с другими древними писателями, свидетельства которых ведут к правильному пониманию слов блаж. Иеронима.

Многие из протестантских богословов, особенно старого времени, напр., многоученный француз-гугенот Клод де Сомез, иначе Клавдий Сальмазий (Salmasius, род. 1588 г., † 1653 г.), автор «Двух книг церковных исследований», также известный геттингенский проповедник Мосгейм (Johann Lorenz von Mosheim), издавший в 1755 г. (в последний год своей жизни) «Церковную историю», и др. пользуются вышеприведенным отрывком из Иеронима для доказательства того положения, что древние александрийские епископы обходились совершенно без рукоположения. И действительно, они вполне справедливо утверждают, что в данных словах блаж. Иеронима нет никакой речи о рукоположении, а весьма определенно говорится, что пресвитеры только нарекали или называли (nominabant) своего избранника епископом, подобно тому, как и войско не рукополагает императора, а только провозглашает, и диаконы, избирая из своей среды архидиакона, никакой хиротонии над ним не совершают. Сальмазий и его единомышленники совершенно справедливо утверждают, что блаж. Иероним говорит об одном только избрании и наречении (номинации) епископа. Но они погрешают в том, что весь процесс возведения в епископское достоинство того или иного кандидата ограничивают одним только этим избранием и наречением, не допуская продолжения и завершения этого про-

цесса канонической хиротонией. А что епископы александрийские в древнее время не оставались без рукоположения, это видно как из других исторических источников, так даже и из творений самого Иеронима, который в своей «Хронике» под 110 годом определенно говорит: «Четвертым в александрийской церкви *рукополагается* (ordinatur) епископ по имени Прим»<sup>11</sup>. Об упомянутом Иракле Евсевий Памфил ясно пишет, что он, «прославившись знанием философии и других эллинских наук, был *рукоположен* в епископа тамошней (александрийской) церкви»<sup>12</sup>. А св. Дионисий свидетельствует сам о себе, когда в послании к римскому епископу Ксенту (в 257 г.), по поводу одного благочестивого христианина, получившего крещение от еретиков, но потом воссоединившегося с церковью, пишет: «В собрании братьев находился некто, считавшийся давним правоверным и присоединенный к обществу христиан до моего *рукоположения*»<sup>13</sup>. Итак, александрийские епископы и в глубочайшей древности получали свой святительский сан чрез рукоположение. Измышления Сальмазия и прочих протестантов, мудрствующих в его духе, должны быть отвергнуты, как несоответствующие действительности.

Но кто же совершал рукоположение над александрийскими епископами? С ответом на этот вопрос выступает другая группа протестантских писателей, которые, основываясь на том же самом отрывке из Иеронима, уверенно отвечают, что таковую хиротонию совершали в Александрии пресвитеры. Первым среди протестантских ученых, кто дал такое истолкование приведенным выше словам блаж. Иеронима, был пресвитерианский писатель XVII в. Джон Сельден (Seldenus, родился в 1584 г., † 1654 г.). Его толкование было подхвачено многочисленными протестантскими учеными и повторяется вплоть до нашего времени. Это же толкование усвоено и создателем украинской лжеиерархии Вл. Чеховским, который в своей книжке пишет: «Наряду с порядком посвящения епископа церковью с епископами мы имеем и порядок посвящения епископов-патриархов церковью без тех, кто именовался епископами. Ясно, несомнительно свидетельствует Иероним о посвящении епископов-патриархов александрийских церковью с участием пресвитеров без епископов до половины III в. Иерониму принадлежат такие слова: «А что впоследствии избран один (епископ) и поставлен начальником над остальными, то это сделано для устранения раскола, чтобы всякий, привлекая к себе (людей), не разрывал Христовой церкви. Ибо в Александрии, со времени евангелиста Марка даже до епископов Иракла и Дионисия, пресвитеры всегда выбирали одного из среды своей и, возведши его на высочайшую степеню, называли епископом, так точно, как войско делает императором, а диаконы из своей среды выбирают такого, который известен им за человека рачительного и называют его архидиаконом»<sup>14</sup>.

Но всё это толкование Сельдена—Чеховского зиждется на крайне недобросовестном отношении к словам бл. Иеронима. В действительности же, как заметил еще английский церковный историк Ниль (J. Neal), «свидетельство бл. Иеронима решительно идет против тех, кто на него ссылается»<sup>15</sup>. И Сельден, и прочие протестанты, и Вл. Чеховский, ссылаясь на вышеприведенные слова бл. Иеронима, злонамеренно не доводят их до конца. А конец их такой: «так точно, как войско делает императором, а диаконы из своей среды выбирают такого, который известен им за человека рачительного, и называют его архидиаконом. Ибо что делает епископ, *исключая рукоположение*, чего не делал бы пресвитер?»<sup>16</sup>. Как только мы

<sup>11</sup> Иероним бл. Творения, русск. пер., Киев, 1879, т. V, стр. 368.

<sup>12</sup> Евсевий Кесарийский. Церковная история, кн. VI, гл. 31; русск. пер.: стр. 367.

<sup>13</sup> Там же, кн. VII, гл. 9; русск. пер.: стр. 406.

<sup>14</sup> Чеховский Вл. За церкву, Христову громаду, проти царства тьми. Харьк., 1922, стр. 36—37.

<sup>15</sup> Neal J. A History of the Holy Eastern Church. The patriarchate of Alexandria. I. Lond., 1847, p. II.

<sup>16</sup> Блаж. Иероним. Творения, т. III, Киев, 1880, стр. 394—397.

дочитаем слова бл. Иеронима до этого конца, то сразу же станет понятным, почему он, говоря о правах alexandрийских пресвитеров древнейшего периода, указывает на то, что эти пресвитеры «выбирали», «возводили на высочайшую степень», «нарекали епископом» своего избранника, действовали подобно войску и диаконам, но не говорит, чтобы они «рукополагали» и действовали подобно епископам прочих церквей. Иероним в данном случае сам же и поясняет, почему пресвитеры не рукополагали: рукоположение есть исключительная функция епископского сана. Не только в данном отрывке из Иеронима, но и вообще нигде в его творениях мы не встречаем речи о том, чтобы пресвитеры (священники) имели где-либо и когда-либо право совершать рукоположения и фактически совершали бы эти рукоположения. При чтении приведенного отрывка невольно приходят на память слова св. Иоанна Златоуста: «И пресвитеры получили учительство и предстоятельство в церкви, и что говорит (ап. Павел) о епископах, относится и к пресвитерам, ибо одним только рукоположением преимуществуют епископы и этим одним представляются они превосходящими пресвитеров»<sup>17</sup>. Это строгое согласие Иеронима с Златоустом должно служить для нас ключом к уразумению и правильному пониманию всей речи Иеронима об alexandрийских пресвитерах: Иероним не приписывает им того, что никогда и нигде пресвитерам не принадлежало.

Ведь, если бы древние alexandрийские епископы получали хиротонию от пресвитеров (священников), то и преемственность их от апостолов была бы не только крайне сомнительной, но даже и прямо недействительной. А между тем бл. Иероним в том же своем произведении, откуда заимствуется и выше приведенный отрывок, считает alexandрийских епископов такими же апостольскими преемниками, какими были и все прочие епископы, начиная с римского и константинопольского. «Не следует, — говорит он, — думать, что иная церковь в Риме, а иная во вселенной. И Галлия, и Британия, и Африка, и Персия, и Восток, и Индия, и все варварские народы одному поклоняются Христу, одно соблюдают правило истины. Где бы епископ ни был — в Риме или Евгубии, в Константинополе или Регии, в Александрии или Танисе, всюду имеет одинаковое достоинство, одинаковое и священство. Могущество богатства и смирение бедности не делает епископа ни высшим, ни низшим. Все они равно преемники апостолов». Если епископы всюду имеют одинаковое достоинство и священство и все они равно преемники апостолов, то ясно, что все они имеют и одинаковое рукоположение в общецерковном порядке, и alexandрийские епископы, следовательно, ничем не отличались в этом отношении от других епископов, и все они еще до Иракла и Дионисия рукополагались так же, как и епископы прочих церквей. Если бы в Александрии рукоположение в епископский сан совершалось не епископами, а священниками, то на это безусловно было бы обращено внимание всех прочих церквей и начался бы великий alexandрийский раскол с обильной перепиской и горячей полемикой между церквами и даже созывом многочисленных соборов в разных концах древнего мира. А возможность такого общецерковного волнения открывается из действительно бывших в древности волнений по поводу празднования малоазийскими христианами Пасхи одновременно с иудеями и по поводу крещения еретиков в Карфагене. Но по делу об alexandрийских рукоположениях никакого спора никогда не поднималось, а это значит, что alexandрийская практика рукоположения епископов ничем не отличалась от вселенской практики. Александрийская церковь имела тесную связь и постоянные сношения с церковью палестинской, ибо от Александрии до Кесарии Палестинской, при благоприятных условиях, было всего лишь около 65 часов плавания, т. е. менее трех суток. Об этих сношениях упоминают в своем окружном послании от 189—

<sup>17</sup> Св. Иоанн Златоуст. Беседы на 1 посл. к Тимофею; русск. пер.: СПб., 1859, стр. 145.

190 г. по поводу пасхальных споров палестинские и финикийские епископы: «От нас, — писали они, — отправляются письма к александрийской церкви, а из александрийской к нам; поэтому празднование святого дня у нас бывает согласно и вместе с ними»<sup>18</sup>. Поэтому и в чине епископской хиротонии между ними не могло быть несогласия. А о палестинской практике имеем ясное свидетельство от древнего историка, бывшего епископом Кесарии Палестинской: «Когда Наркисс удалился в пустыню и никто не знал, где он находится, тогда епископы сопредельных церквей за благорассудили рукоположить на его место другого, которому имя было Дий»<sup>19</sup>. А это рукоположение Дия в епископа элийского (т. е. иерусалимского) было не позже 195 г. и, следовательно, значительно раньше времен Иракла и Дионисия александрийских. Нужно обратить внимание на то, что в упомянутом послании от 189—190 г. палестинские и финикийские епископы имеют в виду переписку с Александрией, установившуюся задолго до 189 г. Следовательно, эта переписка велась в течение всего II в. Ужели палестинские и финикийские епископы не обратили бы внимания на отступление александрийской церкви от всеобщего порядка в деле хиротонии епископов? Из поставления «сопредельными епископами» в Иерусалиме Дия явствует, что к рукоположению епископов для больших и известных городов относились серьезно и внимательно все, не только ближайшие, но даже и более или менее отдаленные епископы. И этот порядок установился в церкви Христовой издавна. Еще в 107 году св. Игнатий Богоносец<sup>20</sup>, по пути из Антиохии в Рим, писал филиладельфийцам, что он получил сведения о том, что антиохийская церковь, несмотря на его отсутствие, пребывает в мире и потому сейчас время благоприятное для избрания там епископа. Ввиду этого св. Игнатий просит филиладельфийцев принять участие в избрании антиохийского епископа. «Блажен, — говорит он, — о Иисусе Христе, кто удостоится такого служения, а вы будете за то прославлены. Если вы хотите, то это не невозможно для вас ради имени Божия, так как ближайшие церкви уже послали епископов, а некоторые — пресвитеров и диаконов»<sup>21</sup>. И в 107 г. этот обычай торжественного избрания и рукоположения был уже не новым: он шел от заповедавших его апостолов. Ужели только одна Александрия была глуха и непричастна к нему, и все церкви оставались слепы и невнимательны к Александрии? Нет, переписка Палестины и Финикии с Александрией говорит о том, что никто не оставался глухим и слепым до Александрии, и если вопрос о несогласованности александрийской ординационной практики с вселенской практикой никогда и никем не поднимался, то только потому, что такой несогласованности совсем и не было.

Если бы в Александрии была иная ординационная практика, то период пасхальных споров был самым благоприятным моментом для обличения александрийцев в отступлении от апостольской и вселенской практики. Обличителем их был бы такой боевой человек, как епископ ефесский Поликрат, праздновавший пасху вместе с иудеями. «Поликрат ефесский, — говорит проф. Болотов, — конечно, был не из тех натур, что всегда и всюду держат голову поклонную и беспомощно дают себя обидеть. Но этою добродетелью он одарен был в таком избытке, что она переходила уже в противоположную крайность: Поликрат мог и сам других обидеть». По исследованию проф. В. Болотова, вся тревога из-за пасхальных разногласий была поднята не иным кем, как именно александрийским епископом Димитрием в 189 г. Его предшественник, епископ Юлиан, скончался 4 марта 189 г. Димитрий, назначенный в епископы самим Юлианом, был рукоположен, вероятно, вскоре же по кончине последнего, еще до Пасхи.

<sup>18</sup> Евсевий Кесарийский. Церковная история, кн. V, гл. 25; русск. пер.: стр. 312.

<sup>19</sup> Там же, кн. VI, гл. 10; русск. пер.: стр. 336.

<sup>20</sup> Lightfoot J. B. The Apostolic Fathers. Part II, v. I, London, 1890, p. 30.

<sup>21</sup> Игнатий Богоносец. Послание к филиладельфийцам, гл. 10; русск. пер.: Писания мужей апостольских, М., 1860, стр. 416.

Но в 189 г., по астрономическим таблицам, при весеннем равноденствии 21 марта 13 ч. 18 м., одно полнолуние приходилось 20 марта 0 ч. 44 м., другое — 18 апреля 8 ч. 31 м. В Ефесе за пасхальное полнолуние было принято мартовское, тем более, что и по иудейскому календарю в 189 г. 15 нисана приходилось как раз 20 марта. Поэтому Поликрат отпраздновал «спасительную пасху» в ночь с 19 на 20 марта со среды на четверг, «в тот день, когда, по его словам, народ (иудейский) отлагал квасный хлеб»<sup>22</sup>. Но в Александрии, равно как и в прочем христианском мире, мартовское полнолуние в 189 г. считалось не за весеннее, а за последнее зимнее, так как оно приходилось несколькими часами раньше весеннего равноденствия. Поэтому там за первое весеннее полнолуние считали апрельское и пасху праздновали 20 апреля — в первый воскресный день после 18 апреля. Рукоположенный перед пасхой, епископ Димитрий после пасхи разослал, по обычаю того времени, ко всем первенствующим епископам автокефальных церквей «вступительные грамоты», *ὑράματα συστατικά*, с уведомлением о своем занятии александрийской кафедры, — с тем расчетом, чтобы эти грамоты были всюду прочитаны на епископских соборах, которые должны были, по 37 правилу св. апостолов, ежегодно происходить «в четвертую неделю (т. е. в преполовение) пятидесятницы», что в 189 г. по александрийской и общехристианской пасхалии приходилось 14 мая. Но александрийские клирики, прибывшие с грамотой Димитрия в Ефес около 10 мая, узнают неожиданную для себя новость, что 8 мая ефесские христиане отпраздновали даже пятидесятницу. Естественно, что они подняли вопрос о причине такого раннего празднования пасхи и притом, с их александрийской точки зрения, в зимнее время. Ответ сурового Поликрата мог быть тот же самый, какой он дал римскому епископу Виктору в своем послании: «Мы празднуем этот день непогрешительно (буквально: «без мошенничества»), ничего не прибавляя и не убавляя». Такое обвинение александрийцев в мошенничестве и в прибавке или убавке дней к «настоящему» пасхальному дню естественно побудило епископа Димитрия передать дело по такому обвинению на суд прочих церквей. Поликрату ефесскому пришлось столкнуться со всем христианским миром, и в этом столкновении он занял позицию не оборонительную, а наступательную, и решительно заявил: «я угрозу не боюсь»<sup>23</sup>. Нападая на епископа римского Виктора, он в большей степени мог бы напасть на Димитрия, поднявшего такую тревогу, и бросить ему обвинение в незаконном рукоположении. Момент для этого был самый благоприятный. На «вступительную грамоту» Димитрия он мог бы ответить ему своим отказом признать его за законного и канонического епископа, как это сделал, напр., в 251 г. св. Киприан карфагенский по отношению к Новациану, что видно из слов его послания к Корнилию римскому: «Когда (Новациан), по обычаю новых епископов, прислал к нам в Африку легатов, желая быть принятым в общение с нами, то отсюда чрез собор многих епископов, на котором мы присутствовали, вынесено решение, что он становится чуждым и не может состоять в общении с нами»<sup>24</sup>. Однако Поликрат ефесский не поступил так с Димитрием, равно как не стал и прочим церквам указывать на то, что они, отступив от апостольской пасхалии, внимают голосу такой церкви, которая изменила апостольскому чину епископских рукоположений и не имеет правильного епископа. Он этого не сделал, так как знал, что александрийского епископа так же, как и его самого, рукополагали законным образом епископы.

Кроме того, если бы в древней Александрии до времен Иракла и Дионисия хиротония епископов совершалась руками пресвитеров, то эту осо-

<sup>22</sup> Евсевий Кесарийский. Церковная история, кн. V, гл. 24; русск. пер.: стр. 308.

<sup>23</sup> Болотов В. Из истории церкви сиро-персидской. «Христианское чтение», 1900, 2, стр. 450—454.

<sup>24</sup> Св. Киприан Карфагенский. Послание 35; русск. пер.: Творения, т. 1, Киев, 1891, стр. 195.

бенность несомненно отметили бы прежде всего церковные историки, напр., Евсевий Кесарийский, который для этого имел даже очень удобный случай. Мы видели, что он ясно и определенно говорит о «рукоположении» Иракла. Если бы Иракл был первым александрийским епископом, принявшим хиротонию в общецерковном порядке от епископов, то Евсевий, несомненно, отметил бы это обстоятельство, сказав, что прежде того в Александрии была практика иного рода. Между тем он этого не сделал, да и вообще из древних отцов и церковных писателей решительно никто и нигде не говорит, что в древней Александрии епископская хиротония совершалась руками пресвитеров, т. е. священников. В «Панарии» св. Епифания Кипрского, составленном в 375 г., есть весьма ценные слова<sup>25</sup>, направленные против севастийского еретика Аэрия: «Он (Аэрий) говорит, что епископ и пресвитер — одно и то же. Как же это возможно? Сан епископский рождает отцов для церкви, а сан пресвитерский, будучи не в состоянии рождать отцов, рождает чад для церкви посредством бани пакибытия, а не отцов или учителей. И как можно поставлять пресвитеру, не имеющему права рукоположения? Или как можно назвать пресвитера равным епископу?»<sup>26</sup>. Эти слова св. Епифания о том, что пресвитерский сан «не в состоянии рождать» отцов или учителей, что пресвитеры не имеют права совершать рукоположения, что священник не может быть назван равным епископу, имеют очень большую ценность как вообще, так и в приложении к александрийской церкви в частности. Ибо этот плодовитый писатель знал Александрию настолько хорошо, что мог даже назвать почти все ее храмы. Древние обычаи и установления в Александрии он мог прекрасно знать и как изучивший почти всю древнюю церковную литературу, и как много лет живший в разных местах Египта, где он свободно объяснялся не только на общекультурном греческом языке, но и на местном языке — коптском. Блаж. Иероним во второй книге своей «Апологии против Руфина» удостоверяет о нем, что «он знал греческий, сирский, еврейский, египетский (коптский) и отчасти латинский языки»<sup>27</sup>. Решительные и уверенные слова св. Епифания могли принадлежать только такому человеку, который имел самые достоверные сведения, что ни Александрия и никакой другой город никогда не отступали от общецерковного порядка в совершении епископской хиротонии. Если бы в Александрии когда-нибудь совершалась епископская хиротония пресвитерами, то св. Епифаний не имел бы под собой никакой почвы для обличения Аэрия в еретичестве, да и не решился бы выступить с своей речью против севастийского честолюбца, рискуя и сам быть изобличенным указанием на александрийскую практику, если бы таковая действительность когда-нибудь существовала.

Таким образом, как эти соображения, так и самый контекст Иеронимовой речи решительно отвергают измышление Сельдена и его новейшего единомышленника Вл. Чеховского. Правда, цель, с какою бл. Иероним привел на память александрийских пресвитеров, состояла у него в том, чтобы возвысить авторитет и значение современного ему пресвитерства. Возвысить же пресвитерский сан у Иеронима, который и сам состоял в этом сане, были конкретные побуждения. У нас уже была при объяснении 3 и 4 правил Карфагенского собора 398 г. подробная речь (гл. V, § 2)

<sup>25</sup> В книжке архиеп. Иосифа: «Происхождение и сущность самосвяства липковцев» (Харьков, 1925) в отделе прот. Н. Гроссу «Великий религиозный обман» на стр. 32 приводятся в обличение самосвятвов такие слова якобы св. Епифания Кипрского: «Еретик Аэрий обезумел, потому что говорит, будто бы нет разницы между епископом и священником. Священник всё совершает по поручению епископа, и еще не было случая, чтобы священник совершил таинство рукоположения. Как священник может занять место епископа-предстоятеля, когда он не имеет права возлагать руки для хиротонии?». Считаю нужным заметить, что таких слов у св. Епифания нет, и потому пользоваться ими в полемике с липковцами не следует.

<sup>26</sup> Епифаний Кипрский. Панарий, ересь 75; русский перевод: ч. V, М., 1881, стр. 39.

<sup>27</sup> Блаж. Иероним. Творения, русск. пер.: Киев, 1879, ч. V, стр. 73.

о той клерикальной борьбе между диаконами и пресвитерами, которая особенно разгорелась в IV и V веках. Бл. Иерониму пришлось быть невольным свидетелем ненормальных взаимоотношений между диаконами и священниками того времени. Диаконы, которые в первые три века были ближайшими сотрудниками епископов и которых по древнему обычаю в каждом городе было не более семи, предьявляли свои права на более почетное положение в церкви, чем пресвитеры, которых в крупных городах было значительно больше, чем диаконов; напр., в Риме уже в III в. при семи диаконах было 46 пресвитеров<sup>28</sup>. Бл. Иероним, крайне недовольный честолюбивыми стремлениями диаконов, писал: «Всё редкое желательно. Полий (трава от блох) у индусов ценится дороже перца. Диаконов делает почетными их малочисленность, пресвитеров — презрительными их множество. Впрочем, и в Римской церкви пресвитеры сидят, а диаконы стоят, хотя, при возрастающем развращении, мне случалось видеть, что в отсутствии епископа диаконы сидят между пресвитерами, а на пирах в домах частных благословляют пресвитеров. Пусть делающие это научатся, что они делают неправильно, и пусть выслушают апостолов: «неприлично нам, оставивши слово Божие, служить трапезам». Пусть знают, чего ради установлены диаконы. Пусть читают Деяния Апостольские и помнят свое положение». В этот-то разгар клерикальной борьбы бл. Иероним получает из Рима от некоего Евангела (по иным манускриптам, Евагрия) письмо с сообщением, что в Риме есть лица, отдающие предпочтение диаконам пред пресвитерами; даже больше того: в Риме установилась практика, по которой лица, рукополагающиеся там в пресвитерский сан, должны предварительно брать о себе одобрительный отзыв у диаконов. Бл. Иероним дал Евангелу ответ. Но письмо Иеронима<sup>29</sup> с первой же строчки дышет раздражением, которое лишает автора возможности хранить строгую последовательность мыслей и доводит его до неоднократных впадений в противоречие самому себе. На первый взгляд это раздражение палестинского отшельника из-за каких-то римских диаконов представляется совершенно непонятным и как будто беспричинным. Очевидно, что причину этого неожиданного раздражения, этой потери последовательности в мыслях, этих неуместных противоречий нужно искать не в римских диаконах, а в глубоких тайниках души самого Иеронима. Письмо Евангела, очевидно, разбередило у него какую-то душевную рану, и он второпях, непродуманно пишет то, что подсказывает ему одно лишь слепое чувство.

Кратко, но метко и справедливо характеризует бл. Иеронима проф. В. Болотов, называя его «вифлеемским пресвитером с пылкой фантазией, не совсем свободным от честолюбивых поползновений»<sup>30</sup>. А известный английский церковный историк Джемс С. Робертсон дает еще более резкую характеристику Иеронима, отмечая, что в нем «необычайное умственное дарование и искренняя ревность на служение Христу странным образом сочетались с крайностями в мнении и поведении, жаждою власти и авторитета, гордостью, честолюбием и крайней раздражительностью»<sup>31</sup>. В самом деле: ученейший человек, плодovitейший писатель, неутомимый путешественник, видный аскет, доживший до редкой старости<sup>32</sup>, и — толь-

<sup>28</sup> *Евсевий Кесарийский*. Церковная история, кн. VI, гл. 43; русск. пер.: стр. 389.

<sup>29</sup> В русском переводе оно помещается под № 116, но в различных иностранных изданиях оно обозначается разными №№: то 146, то 101, то 85.

<sup>30</sup> Болотов В. Лекции..., т. II, стр. 457.

<sup>31</sup> Робертсон Дж. История христианской церкви; русск. пер.: СПб., 1890, стр. 303.

<sup>32</sup> Бл. Иероним Стридонский — плодovitейший из церковных писателей Запада. Название Стридонского получил по месту своего происхождения из г. Стридона, лежавшего где-то между Паннонией и Далмацией. Родился в 331 году. Получив широкое образование, он принял в Риме крещение. Много путешествовал по разным странам. Имел сан псевритера, основав свое пребывание в одной из пещер г. Вифлеема. Скончался на 89 г. жизни в 419 г. Им сделан с еврейского языка на латинский перевод Библии, получившей название «Вульгаты», написаны толкования на различные книги Свящ. Писания, историческое сочинение «О знаменитых мужах», несколько полемических трактатов и много писем к разным лицам.

ко пресвитер! Честолюбие и жажда власти естественно напоминают ему о высшем сане, который от него постоянно ускользал. Что он мог переживать? Какие думы и чувства таить про себя в таком положении? С одной стороны, он успокаивает и утешает себя обманчивой мыслью о необычайной высоте того пресвитерского сана, в котором он безнадежно оставался, а с другой — раздражается против всех, кто так или иначе посягал на эту высоту: и против диаконов, и против епископов. Это раздражение, проглядывающее и в других его письмах, напр., к Непоциану об образе жизни клириков и монахов, особенно ярко выступает в письме к Евангелу, которое начинается такими словами: «Читаем у Исании: Глупый скажет глупость. Слышу я, что некто дошел до такого сумасбродства, что отдает диаконам преимущество пред пресвитерами, т. е. епископами. Если Апостол ясно учит, что пресвитеры суть те же епископы, то можно ли сносить равнодушно, когда служитель трапез и вдовиц надмевается перед теми, по молитвам коих совершается Тело и Кровь Христова? Ищешь доказательства? Выслушай свидетельство: Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах с епископами и диаконами».

Итак, Иероним неожиданно превращается в Аэрия. Следовательно, всё, что было нами сказано (гл. V, § 1) против Аэрия, надлежало бы направить и против бл. Иеронима. Но в действительности бороться с Иеронимом нет никакой нужды. Между Иеронимом и Аэрием — громадная разница: для Аэрия учение о равенстве пресвитера с епископом было его крепким еретическим убеждением, у Иеронима же здесь не убеждение, а только слова, порожденные минутным раздражением и представляющие собой его своеобразный, до крайности резкий полемический прием. Бл. Иероним отлично понимал и в своих сочинениях, более продуманных и спокойных, ясно и правильно, в духе чистого православия излагал учение о степенях церковной иерархии. Выше мы видели, как его подлинные взгляды на епископский сан согласуются с строго православным учением вселенского святителя Иоанна Златоуста. Да и в этом письме к Евангелу он, впадая в противоречие, изобличает самого же себя, когда говорит: «ибо что делает епископ, исключая рукоположение, чего не делал бы, пресвитер?» Этими словами, глубоко правдивыми и совершенно православными, бл. Иероним свидетельствует, что между епископом и пресвитером существенное различие, и что преимущество епископа пред пресвитером заключается не в одних лишь начальных правах и административных функциях, но и в благодатных полномочиях: епископ совершает рукоположения, «рождает, как сказал св. Епифаний, отцов для церкви», чего пресвитер делать «не в состоянии». Что касается уверения, будто «Апостол ясно учит, что пресвитеры суть те же епископы», то тут бл. Иероним совершенно не прав. Ни у одного апостола не только ясного, но и вообще никакого учения нет о равенстве и тождестве пресвитеров с епископами. Приведенные же Иеронимом из Послания ап. Павла к филиппийцам приветственные слова говорят не о том, что под епископами разумеются и пресвитеры, а единственно о том, что в Филиппах в 62 г. пресвитеров совсем еще не было.

Повторив еще раз, что «епископ и пресвитер одно и то же», бл. Иероним сообщает Евангелу: «А что впоследствии избран один и поставлен начальником над остальными, то это сделано для устранения раскола, чтобы всякий, привлекая к себе, не разрывал Христовой церкви». Если бл. Иероним говорит здесь о происхождении епископского сана и власти, то это его сообщение только вводит Евангела в заблуждение. Оно не имеет под собой никаких ни экзегетических, ни исторических оснований, а является, действительно, плодом «пылкой фантазии» вифлеемского пресвитера, ибо и сам он не отмечает хронологически точно, когда именно «впоследствии» явился «избранный и поставленный» епископ — монарх. Из Священного Писания мы достоверно знаем, что монархический епис-



копат возник не «впоследствии», а «в начале» исторической жизни церкви, еще при апостолах, и явился не как компромиссный результат какой-то борьбы в недрах иерархии, а как божественное установление, созданное богодухновенными апостолами по озарению свыше. Почему в Филиппах в 62 г. оказалось более одного епископа, то правильное объяснение этому можно строить на основании самого же Послания к филиппийцам. Апостол был тогда в узах (1, 7, 13); филиппийцы послали к нему в Рим Епафродита с вспомоществованием (4, 18) и ожидали его возвращения. Вероятно, в это время в Филиппах пребывали, в ожидании распоряжений и наставлений от Апостола, епископы окрестностей этого города, ибо в самых Филиппах был только один епископ, к которому св. Павел и отправил с Епафродитом свое послание и к которому обращается с просьбой: «Ей, прошу и тебя, искренний сотрудник, помогай им (Еводии и Синтихии), подвизавшимся в благовествовании вместе со мною» (4, 3). В пастырских же посланиях ап. Павла к Тимофею и Титу идет явная речь о епископе всегда в единственном числе, в отличие от пресвитеров и диаконов, о которых Апостол говорит во множественном числе (Тит. 1, 5; 1 Тим. 3, 8—12). Представленный в этих посланиях образ епископа с напоминанием ему о доме и чадах, как правителю общины и наставнику духовных детей, свидетельствует о его единоличности, так как двух хозяев в одном доме и двух отцов в одной семье не бывает. Да и требование, чтобы епископ имел доброе свидетельство от «внешних», т. е. язычников, показывает, что не какая-либо коллегия — епископская или пресвитерская, а именно он единолично является пред властями и языческим обществом представителем христианской общины в данной местности<sup>33</sup>. Так было при апостолах, в творческую и основоположительную эпоху христианства, или в новозаветный апостольский период библейской истории. А что было в самом начале «церковной» истории, мы узнаём из творений такого раннего писателя, как св. Игнатий Богоносец (†107), ученик и ставленник апостолов. В его творениях ясно говорится, что в каждой церковной общине был только один епископ и при нем пресвитеры и диаконы. «Епископ, — говорит св. Игнатий, — председательствует на место Бога, пресвитеры занимают место собора апостолов и диаконам вверено служение Иисуса Христа», поэтому святой отец и приглашает магнезийских христиан «благоупевать с достойнейшим епископом и с прекрасно сплетенным венцом пресвитерства и в Боге диаконами»<sup>34</sup>. Таким образом, «пылкая фантазия» вифлеемского пресвитера является совершенно беспочвенной. А в своих суждениях о причине установления единоличного епископата он оказывается даже наивным. По его мнению, епископат возник вследствие чьих-то опасений, как бы каждый пресвитер, привлекая к себе народ, не стал разрывать церковь Христову. Но, ведь, и при епископе добрые пресвитеры могут привлекать к себе народ и своей благочестивой жизнью, и своим красноречием, и своим благоговейным богослужением, и своею любовью и обходительностью, отнюдь не разрывая церкви Христовой. А от злых пресвитеров не спасет никакой епископат; подражатели Иуде Искариотскому всегда найдутся: в Карфагене Новат, в Агваце Манес, в Александрии Арий, в Севастии Аэрий, в Киеве Василий Липковский и т. д. Но в наивных рассуждениях бл. Иеронима наиболее любопытным является его скачок за примером в Александрию. А почему бы ему для Евангела, как римского жителя, не взять примера из истории римской церкви? Да очень просто, почему бл. Иероним не обратился к римской истории: Рим не только не благоприятствует его «теории опасений», но решительно ниспровергает ее. В Риме так же, как в Филиппах, Коринфе и других городах, до начала II в. совсем не было пресвитеров, а был только один епископ с диаконами. Этим евро-

<sup>33</sup> Мышцын В. Устройство христианской церкви в первые два века. Серг. Пос., 1909. стр. 237.

<sup>34</sup> Игнатий Богоносец. Послание к магнезийцам, гл. 6 и 13; русск. пер.: Писания мужей апостольских, стр. 389 и 393.

пейские и сирские церкви древнейшего периода и отличались от египетских, где при епископе нередко состояло несколько пресвитеров. О таком составе клира в европейских церквях свидетельствует св. Климент Римский, писавший в 96 г. в своем Послании к коринфянам: «Проповедуя по городам и селам, апостолы поставляли первенцев их, по испытании духом, епископами и диаконами для будущих верующих. И это не новость: много времени раньше написано об епископах и диаконах. Ибо так говорит Писание: «поставлю епископов их в правде и диаконов в вере» (Ис. 60, 17)»<sup>35</sup>. Рим и Коринф, значит, так привыкли обходиться без пресвитеров, что святой отец для наличной диады иерархических степеней находил оправдание даже в пророчествах Ветхого Завета. Младший современник Климента Ерм, автор весьма распространенной в древности книги «Пастырь», говоря символически о «камнях квадратных и белых, хорошо прилаживающихся своими спайками», разумеет под ними из иерархических лиц тоже только епископов и диаконов<sup>36</sup>. Даже памятник восточного происхождения, знаменитое «Учение 12 апостолов» (Дидахи), относимое большинством ученых к концу I века, ни разу не упоминает о пресвитерах, а преподает христианам такое наставление: «В день Господень, собравшись вместе, преломите хлеб и благодарите, исповедавши прежде грехи свои, дабы чиста была жертва ваша... Поэтому рукополагайте себе епископов и диаконов, достойных Господа, мужей кротких и несребролюбивых, истинных и испытанных»<sup>37</sup>. Подобное же встречаем и в Сирской Дидакалии (памятнике первой половины III в.): «Ныне Аарон для вас — диакон, Моисей — епископ: итак, если Моисей от Господа наречен богом (Исх. 7, 1), то и епископ должен быть почитаем вами, как Бог, а диакон как пророк»<sup>38</sup>. «Итак, епископы и диаконы, — говорится в том же памятнике, — будьте единомысленны и заботливо пасите народ в единодушии, ибо вы оба должны быть едино тело: отец и сын, так как вы — символ господства. Диакон обо всем должен давать знать епископу, как Христос Своему Отцу»<sup>39</sup>. «Обязанность вдовиц, — говорится там же, — состоит в том, чтобы быть чистыми и повиноваться епископам и диаконам»<sup>40</sup>. Этим древним церковным порядкам св. Епифаний Кипрский дает такое объяснение: «Где не оказывалось человека достойного епископства, там место оставалось без епископа; где же была нужда и были люди достойные епископства, там поставляемы были епископы. Если народа было немного, и из них некого было ставить в пресвитеры, то довольствовались одним местным епископом; а без диакона епископу быть невозможно»<sup>41</sup>. Эти исторические справки как нельзя лучше определяют истинную ценность Иеронимовой «теории опасений»: епископы были и без пресвитеров.

Отождествив в минуту излишней горячности пресвитеров с епископами, бл. Иероним, еще не доведя своего письма до конца, уже забыл про это отождествление и в прямое опровержение самого себя начал разъяснять Евангелу, что в церкви Христовой ни могущество богатства, ни смирение

<sup>35</sup> Климент Римский. Послание к коринфянам, гл. 42; русск. пер.: Писания мужей апостольских, стр. 142—143. О времени происхождения этого послания см.: Zahn Th. Einleitung in das Neue Testaments, Leipzig, 1897, Band 1, S. 439; также Harnack Ad. Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius, Leipzig, Teil 1, S. 255.

<sup>36</sup> Ерм. Пастырь. Видение III, гл. 5; русск. пер.: Писания мужей апостольских, стр. 238—239. Время написания «Пастыря» определяется различно. По одним, он написан в конце I в. (Zahn Th. Der Hirt des Hermas. Gotha, 1868, S. 96—97); по другим, — в 130—140 гг. (Harnack Ad. Die Chronol. der altchristl. Litter. bis Eus., t. I, S. 257. Funk F. Opera Patrum Apostolorum. Tubingae, 1878, p. CXIV).

<sup>37</sup> Учение 12 апостолов, гл. 14—15; русск. пер. см.: Карашев А. О новооткрытом памятнике «Учение 12 апостолов». М., 1896, стр. 41—42.

<sup>38</sup> Дидакалия, т. е. католическое учение 12 апостолов и святых учеников нашего Спасителя гл. IX; русск. пер. в приложении к книге проф. П. Прокошева: Didascalia Apostolorum и первые шесть книг Апостольских постановлений. Томск, 1913, стр. 64—65.

<sup>39</sup> Там же, гл. IX, стр. 80.

<sup>40</sup> Там же, гл. XV, стр. 109.

<sup>41</sup> Епифаний Кипрский. Панарий, ересь 75; русск. пер.: ч. V, стр. 40.

бедности не полагают своего отпечатка на достоинство священства. «Где бы епископ ни был — в Риме или Евгубии, в Константинополе или Регии, в Александрии или Танисе, всюду имеет одинаковое достоинство, одинаковое и священство. Могущество богатства и смирение бедности не делает епископа ни высшим, ни низшим. Все они равно преемники апостолов». Эти весьма ценные для полемики с католиками слова о равенстве епископа ничтожной Евгубии с могущественным римским папой важны и для определения истинных воззрений бл. Иеронима на церковную иерархию. Очевидно, употребив неожиданно для самого себя слова о равенстве пресвитеров с епископами, он на самом деле никак не мог проникнуться этой идеей всецело, а неизбежно и непредотвратимо мыслил только о равенстве между епископами, где бы они ни служили и в каком бы материальном положении ни находились. Конечно, это совершенная правда, что епископ в Риме и епископ в Евгубии имеют одно и то же священство и достоинство. Но епископ в Риме и пресвитер в том же самом Риме имеют не одно достоинство и не одну и ту же степень священства. Если бы Иероним был последователен и верен начальным словам своего письма, он должен был бы указать Евангелу именно на равенство римского папы римскому священнику. Но он этого не сделал, да и Евангел, как житель Рима, только посмеялся бы его словам. Иероним и сам не мог верить причудам своего минутного увлечения, так как отлично знал, чем был в Риме епископ, и что представляли собой римские пресвитеры, в сравнении с которыми даже диаконы были более «почтенными». Негодуя против этих «почтенных» диаконов с их неуместными претензиями, бл. Иероним, заметив, что «кто производится, тот производится из низшего в высшие», с иронией писал Евангелу: «Итак, пусть диакон рукополагается из пресвитеров, чтобы пресвитер считался ниже диакона, до которого он должен возвыситься. А если пресвитер рукополагается из диаконов, то, хоть бы он пользовался и меньшими выгодами, должен считать себя высшим по священству». Но этими словами бл. Иероним окончательно ниспровергает всё свое измышление о равенстве между пресвитерами и епископами. Если Иероним негодует на диаконов за их честолюбивые поползновения, то это же самое негодование он должен перенести и на самого себя, за свои пресвитерианские претензии на равенство с епископами, так как, по его же словам, «кто производится, тот производится из низшего в высшие». От начальных дней христианства, с тех пор как апостолами была установлена вторая степень священства, все епископы производятся и рукополагаются из пресвитеров: ясно само по себе, что равенства между пресвитером и епископом нет.

Итак, путем аналитического обозрения письма блаж. Иеронима к Евангелу можно установить, что бл. Иероним, высказывая иногда, в минуты раздражения и излишней горячности, резкие и необычайные слова, не соответствовавшие его действительным и постоянным убеждениям, держался в учении о церковной иерархии и ее степенях взглядов совершенно православных, признавая вместе с Златоустом, что совершение рукоположений принадлежит исключительно к преимуществам епископского сана. Сообщение об александрийской практике, сделанное им в письме к Евангелу, касается не рукоположения александрийского епископа, а только его избрания и интронизации, что совершалось пресвитерами в древнейшую эпоху «со времени евангелиста Марка даже до епископов Иракла и Дионисия». Но эта хронологическая дата весьма неопределенна, ибо Иракл и Дионисий были епископами не одновременно, а последовательно один за другим. Кто же был последним пресвитерским избранником: предшественник ли Иракла Димитрий (189—231 гг.), сам ли Иракл (232—247 гг.) или, наконец, его преемник Дионисий Великий (247—264 гг.)? Такая неопределенность значительно умаляет ценность Иеронимова сообщения, показывая, что он пишет не на основании точных исторических документов, а довольствуясь какими-то сомнительными и ненадежными источниками. И в этом ничего удивительного нет. Ведь рассматриваемое нами сообще-

ние находится не в каком-либо ученом труде Иеронима, составленном на основании критически проверенных и правильно понятых им первоисточников. Оно заключается в простом, частном, наскоро набросанном письме к какой-то маловедомой личности — Евангелу. А такое письмо не требовало от Иеронима точных ученых справок. Оно могло довольствоваться и тем, что Иероним когда-то слышал или читал, и что он уже стал плохо помнить и неясно представлять, а пожалуй даже и превратно толковать. Бл. Иероним даже в своих ученых трудах, имея под руками более древние первоисточники, не всегда проявлял правильное отношение к ним, так что новейшим ученым нередко приходится отмечать, что иные сообщения Иеронима являлись только «дурно понятыми и превратно истолкованными» словами более древних писателей. А, ведь, письмо Иеронимова — и совсем не ученый труд. Иное дело было бы, если бы бл. Иероним писал в своем письме то, чему сам был свидетель и что видел своими собственными глазами. Говорить же в летучем письме о древностях — дело довольно рискованное. Поэтому письмо к Евангелу в отношении к александрийской церкви ни в каком случае не может служить историческим первоисточником. Сведения, сообщаемые Иеронимом в этом письме, нуждаются в проверке более древними свидетельствами.

По счастью, мы имеем свидетельство такого древнего церковного писателя, деятельность которого началась еще «до времени Иракла и Дионисия», при александрийском епископе Димитрии, и который долгое время принадлежал именно к александрийской церкви. Мы разумеем знаменитого учителя Александрийской Огласительной школы и величайшего богослова древности — Оригена. Свидетельство этого древнего писателя в значительной мере ограничивает ту монополию александрийских пресвитеров в деле избрания епископов, какую наделил их бл. Иероним. Правда, Ориген не писал специального трактата о порядке епископского избрания и рукоположения и упомянул о нем только мимоходом, но во всяком случае слова его весьма ясны и не вызывают никаких недоумений. Ведя беседы на книгу Левит и говоря (в 6-й беседе) о поставлении ветхозаветного первосвященника в присутствии народа, Ориген перешел и к новозаветным церковным порядкам, относительно которых заметил: «При поставлении епископов требуется присутствие народа, чтобы это дело было всем известным, потому что во священники избирается тот, кто имеет преимущество перед всеми, кто всех образованнее, святее и отличается всеми добродетелями. В этом деле, т. е. в деле избрания, должен участвовать весь народ, чтобы после не стал кто-либо прекословить и чтобы не вышло какого-либо неудовольствия»<sup>42</sup>. Из этих кратких слов Оригена ясно видно, что между присутствием ветхозаветного народа при поставлении первосвященника и участием христианского народа в избрании епископа существует громадное различие. Ветхозаветный первосвященник не избирался, а посвящался в силу своего первородства в потомстве Аарона по линии Елеазара, народ же при этом поставлении был только безмолвным свидетелем и пассивным зрителем. Христианский же епископ получает свое достоинство не по родовому праву, а в силу действительного избрания его «всем народом», который в этом деле принимает активное участие, чем и предотвращается возможность «прекословия» и «неудовольствия» впоследствии. Правда, эту свою беседу Ориген вел в Кесарии Палестинской уже по оставлении им Александрии и даже по смерти Димитрия, именно во времена Иракла, но в этой беседе важна самая постановка вопроса о епископском избрании, сделанная Оригеном. Он сопоставляет новозаветную церковь с ветхозаветной. Ветхозаветная церковь имела единую иерархию и единый порядок поставления первосвященников. Поэтому и новозаветная церковь со своей иерархией берется Оригеном вся, в своем целостном виде и составе, со своим единым порядком избрания епископов

<sup>42</sup> Migne. Patr. curs. compl., ser. graeca, t. XII, col. 469.

при участии в этом деле не клириков лишь, но и народа. Никаких изъятий ни для какой поместной церкви Ориген не указывает. Александрия в данном случае не представляла собою тоже никакого исключения. Если бы такое исключение в древности где-либо было, напр., хотя бы в Александрии, где Ориген прожил немало лет, он не стал бы категорически говорить о порядке избрания епископов с участием народа, как о явлении общецерковном, и не имел бы оснований сблизать вселенскую церковь Христову с церковью ветхозаветной. А это значит, что александрийская церковь, действительно, изначала, т. е. еще задолго до времени Иракла и Дионисия, имела у себя общецерковный порядок избрания епископов *общим голосом клира и мирян*. Поэтому говорить вместе с бл. Иеронимом о пресвитерах, как единственных и исключительных избирателях александрийского епископа во времена, предшествовавшие Ираклу и Дионисию, нельзя. Если слова бл. Иеронима имеют какую-либо ценность, то их можно понимать в том лишь смысле, что александрийским пресвитерам в деле избрания своего епископа принадлежало только преобладающее влияние и руководящее значение.

Что касается сообщения бл. Иеронима об избрании пресвитерами нового епископа исключительно из пресвитерской среды, то оно совсем не соответствует исторической действительности. О кандидатах на александрийскую кафедру у нас будет подробная речь впоследствии, в связи с другим «свидетельством», указывающим, из каких именно пресвитеров избирался александрийский епископ. Здесь же пока ограничимся лишь замечанием, что выше упомянутого епископа Димитрия проф. А. П. Лебедев в одном из своих сочинений называет «деревенщиной», а в другом пишет о нем так: «В священном календаре коптских христиан находится такое известие о епископе александрийском Димитрии, современнике Оригена: Димитрий был необразованный крестьянин, не разумевший Писания»<sup>43</sup>.

Сделанный нами критический разбор письма бл. Иеронима к Евангелу дает нам возможность твердо установить следующие положения:

- 1) Александрийские епископы всегда принимали *рукоположение* только от епископов, ибо, по воззрению бл. Иеронима, только одним епископам принадлежит право совершения хиротоний;
- 2) избрание александрийских епископов совершалось под преобладающим влиянием и руководством пресвитеров;
- 3) пресвитерам принадлежало право совершения интронизации новоизбранного епископа, т. е. «возведения его на высочайшую степень», или архиерейский престол, и
- 4) сообщение бл. Иеронима об избрании александрийского епископа исключительно из пресвитерской среды не имеет достаточных исторических оснований.

### § 3. Достопримечательное примечание

Рассмотренные нами отрывки из Либерата и блаж. Иеронима одной из протестантских ученых групп направляются, как мы видели, к отрицанию существования в Александрии такого общецерковного установления, как хиротония. Но в иных протестантских сочинениях можно найти и такие отрывки из более или менее древних писателей, откуда усматривается, что в древней Александрии рукоположение существовало, но совершалось оно над местными епископами александрийскими мирянами. Один из таких отрывков встречается и в книжке Вл. Чеховского. «Когда патриарх Ахилла скончался, — гласит этот отрывок, — народ собрался и

<sup>43</sup> Лебедев А. Духовенство древней вселенской церкви. М., 1905, стр. 280.— Он же. Так называемые церковные каноны (*canones ecclesiastici*) и их значение в вопросе о церковных должностях в древности. «Прибавл. к твор. св. отцев», 1887, ч. 40, стр. 384.

возложил свои руки на пресвитера Александра, и после этого он воссел на епископский престол»<sup>44</sup>. Чеховский, приводя это сообщение неизвестного ему автора, отмечает, что оно находится в «Восточной Патрологии». Но не из «Восточной Патрологии» Чеховский заимствовал это сообщение, а из упомянутого нами выше исследования профессора Московской духовной академии А. Спасского: «История догматических движений в эпоху вселенских соборов». Так как у Чеховского и все вообще тенденциозно подобранные отрывки, за исключением слов бл. Иеронима, представляют собою простую выписку из подстрочного примечания, находящегося в книге А. Спасского, то мы считаем необходимым подвергнуть обозрению и разбору самое это примечание, служащее для самосвятских апологетов главнейшим источником их ложной «учености».

На стр. 138 своей довольно толстой книги (652 стр.) проф. А. Спасский, заводя речь об известном еретике, александрийском пресвитере Арии, коснулся мимоходом положения александрийских пресвитеров вообще. Сказавши: «Приходский пресвитер Александрии, помимо совершения служб и треб для своего прихода, был наделен еще двумя важными полномочиями: правом толковать Свящ. Писание и поучать паству по своему усмотрению и правом отлучать мирян от церковного общения, не донося о том епископу», — проф. А. Спасский после этих слов делает подстрочное примечание, буквальный текст которого следующий:

«Болотов. Епархии древней церкви. Церковные ведомости, 1906 г. № 3: «Приходские пресвитеры имели право *motu proprio*, не обращаясь за разрешением на это к своему епископу, лишать мирян церковного общения, и когда апелляция на такое отлучение, — видимо, чрез посредство местного епископа, — подана была самому папе александрийскому Феофилу, он признал образ действий пресвитеров совершенно законным». Болотов сам сознается, что очерк его написан «по приему для него необычайному и антипатичному — без цитат». — Не принадлежало ли александрийским пресвитерам и право рукополагать своих епископов? Есть свидетельство Евтихия, что Александр александрийский рукоположен был пресвитерами. В коллекции писем, переведенных на сирский язык Антонием низибийским и хранящихся в Британском Музее (Ms. Add. 12, 181 and Add. 14, 609), 3-е письмо второй секции, адресованное к православным в Емессе, обсуждает случай с известным Исаией, отстаивающим свое право рукополагать посредством одного епископа ссылкой на канон, приписываемый Симону Хананеяну. В ответ на это Север возражает, что неприлично ссылаться в опровержение принятой практики на забытый обычай, и затем продолжает: «И епископ города, известного своим православием, города Александрии, обыкновенно в прежнее время рукополагался пресвитерами, но в последние дни, согласно канонам, получившим господство, поставление епископа совершается рукою епископа». Север писал из Египта около 500 года и был хорошо знаком с преданиями александрийской церкви. С этим известием Севера любопытно сопоставить рассказ Лавсаика о Пимене: «Некогда пришли к нему еретики и стали порицать архиепископа Александрии за то, что он получил хиротонию чрез пресвитеров; старец, помолчав, позвал брата своего и сказал: приготовь трапезу и пригласи их кушать, — и потом отпустил их с миром» (Butler. Lausaical History of Palladius, Text and Stud., VI, 1, p. 213). Ср. Brock. Journ. of theol. studies. 1901, v. II, ss. 612, 613. Отзвук этого обычая слышится в известии «History of the patriarchs of the coptic church of Alexandria» (Patrologia orientalis, 1, 4, Paris, 1905, 401): когда Ахилла патриарх скончался, народ собрался и возложил свои руки на пресвитера Александра, и после этого он воссел на епископский престол»\*.

<sup>44</sup> Чеховский Вл. За церкву, Христову громаду..., стр. 38.

\* Во втором издании книги А. Спасского (Сергиев Посад, 1914) это примечание на стр. 134—135.— Ред.

Что представляет собою это примечание проф. А. Спасского, послужившее косвенной причиной появления на свет необычайной украинской лжеиерархии? Трудно найти в ученых сочинениях русских профессоров другое более невежественное примечание, чем примечание А. Спасского, лучшее в основу всей украинской ереси и ее «ученой» апологетики. Это примечание — в своем роде вавилонское столпотворение.

Свой недоуменный вопрос: «не принадлежало ли александрийским пресвитерам и право рукополагать своих епископов?» проф. А. Спасский поставил только потому, что узнал о принадлежности александрийским пресвитерам права отлучать мирян от церковного общения. Об этом пресвитерском праве ученый профессор осведомился от знаменитого Болотова и очень сожалеет, что последний написал об этом «без цитат», оставив его, таким образом, в полном неведении касательно первоисточников. Скорбящему профессору мы назовем первоисточники, укажем еще одно пресвитерское право и кроме того заметим, что папа Феофил имеет в виду права не александрийских только, а всех вообще египетских пресвитеров. В своем каноническом послании к епископу Мине (одному из египетских) он пишет: «Законное дело сделали пресвитеры в селе Гемине, если правду говорит Евстафия, доставившая прошение. Она сообщает, что Кирадию, причинившую обиды и не хотевшую прекратить (свою) несправедливость, они отлучили от церковного собрания. Но так как я удостоверился, что она, вращая свой порок, желает быть принятой в общение с церковью, то ты постарайся расположить ее сначала к прекращению неправды, а (потом) привести ее в покаяние. И таким образом, если убедишься, что она, желая быть в церковных собраниях, возвращается к закону Божию, то разреши ей быть в таковых вместе с верующими людьми»<sup>45</sup>. Итак, сельские пресвитеры в одной из египетских епархий отлучают свою прихожанку Кирадию от церковного собрания за какую-то несправедливость. Местный епископ Мина, очевидно, признал действия геминских пресвитеров правильными. Кирадия подает апелляцию александрийскому епископу Феофилу, но и он находит, что пресвитеры сделали законное дело», и, только принимая во внимание раскаяние отлученной, он преподает епископу Мине совет о принятии ее в общение. Из послания того же Феофила к одному из фиваидских епископов Аммону, у которого возникли какие-то трения с другим епископом Аполлоном, мы узнаём, что египетским пресвитерам принадлежало право даже «извержения» чтецов из клира. «Об Иакове, — пишет епископ Феофил, — нужно произвести следствие. Если он, будучи чтецом, оказался виновным в любодейном преступлении и пресвитерами был извержен, а потом получил рукоположение, то — да извержется из своей степени, — впрочем, после тщательного расследования, а не по одному подозрению, происшедшему от наущничества и злословия. Если же не окажется виновным, то да останется в клире, ибо не должно внимать пустым наговорам»<sup>46</sup>. Итак, Иаков, рукоположенный, по-видимому, в сан диакона, а ранее бывший чтецом, обвиняется в том, что за любодеяние был когда-то «извержен» пресвитерами из церковной должности чтеца. Феофил смотрит на это пресвитерское действие, как на нормальное и законное, и, следовательно, дает нам свидетельство о том, что древним египетским пресвитерам принадлежало право суда над низшими клириками и даже право лишения их занимаемых ими должностей. Но от этих церковно-судебных функций исключения из клира и отлучения от церковных собраний до права рукополагать кого бы ни было, а тем паче епископа, слишком далеко. Профессору А. Спасскому не мешало бы припомнить, что в старину даже наше русское, захудалое и забитое духовенство пользовалось пресловутым правом отлучения, как это видно из слов «Поучения святительского новопоставленному иерею»: «Непокорника же и в грехи

<sup>45</sup> Книга Правил. М., 1901, стр. 395.

<sup>46</sup> Там же, стр. 390—391.

неисправно впадающая от церкви отлучи и от себе отжени, дондеже обратится к тебе»<sup>47</sup>. Но едва ли и самому Спасскому придет на мысль поставить вопрос: «Не принадлежало ли русским священникам и право рукополагать своих епископов?»<sup>48</sup>.

Обратившись к читателю с недоуменным вопросом: «Не принадлежало ли александрийским пресвитерам и право рукополагать своих епископов?» проф. А. Спасский, нисколько не постаравшийся разрешить для себя этот вопрос на основании критически проверенных исторических источников, предлагает читателю самые разнородные и противоречивые сведения. То он говорит: «Есть свидетельство Евтихия, что Александр александрийский рукоположен был пресвитерами»; то о том же самом Александре вдруг сообщает уже из другого источника совсем иные сведения: «Когда Ахилла патриарх скончался, народ собрался и возложил свои руки на пресвитера Александра, и после этого он воссел на епископский престол». Итак, кто же рукополагал Александра: пресвитеры или народ? Можно подумать, что проф. А. Спасский задался специальной целью вводить в заблуждение и сбивать с толку своих читателей. Сообщение его о «свидетельстве» Евтихия заведомо ложное: специальной речи о рукоположении Александра пресвитерами у Евтихия нигде нет.

Заговорив о письме Севера (правильнее: Севира), А. Спасский делает ряд таких крупных неточностей и ошибок, которые совершенно недопустимы в ученом труде. «Север, — по словам А. Спасского, — писал из Египта около 500 года». Но академическому профессору и автору ученого исследования следовало бы в хронологии быть и поточнее. Около 500 г. Север не мог писать из Египта, потому что в то время его там и не было. Север — это известный монофизит, сначала монах, а потом антиохийский патриарх, опозоривший себя отступничеством от православия еще в своих вступительных или «престольных» грамотах. Усердно пропагандируя монофизитство, он, при константинопольском патриархе Македонии II, убедил императора Анастасия (491—518 гг.) ввести монофизитское добавление к трисвятой песне слов: «распныйся за ны» даже в столичных церквях. Эта еретическая прибавка вызвала в Константинополе громадный мятеж с увечьями и убийствами. Но когда в 518 г. на престол византийский вступил ревнитель православия Иустин Фракиянин (†527 г.), Север подвергся низложению с кафедры и, опасаясь ареста, тайно бежал в сентябре 519 г. в Александрию, найдя там себе благосклонный прием у тамошнего патриарха Тимофея II и приют в разных монастырях. Временами он проживал близ Александрии в селении Саки у некоего богача Дорофея. Следовательно, письмо свое в Эмессу он мог писать никак не раньше 519 года.

По словам проф. А. Спасского, Север «был хорошо знаком с преданиями александрийской церкви», т. е., разумеется, с тем преданием, по которому александрийский епископ якобы когда-то рукополагался пресвитерами. Если, действительно, Север хорошо знал александрийские предания, то он, конечно, знал подлинные предания, а не позднейшие вымыслы, выдаваемые за александрийское предание. Живым же и действительным преданием у александрийцев в VI в. могло быть только предание о том, как рукополагались в Александрии наиболее прославленные епископы, напр., св. Афанасий Великий, рукоположенный в епископский сан в 328 г., т. е. за 200 лет до писания Севером своего письма.

Относительно св. Афанасия известно, что он, во время своей тяжелой борьбы с арианством, подвергался самым разнообразным клеветам со стороны врагов православия. В числе обвинений, взведенных арианами пред императорами Константином II и Констанцием на св. Афанасия, было и то, что он якобы рукоположен был в сан епископа тайно и только шестью

<sup>47</sup> Поучение святительское новопоставленному иерею. М., 1896, стр. 6.

<sup>48</sup> См. ниже, § 13.



или семью епископами: как будто бы этого количества было мало. В защиту Афанасия встал Александрийский поместный собор 340 г., на котором присутствовало «почти сто епископов из Египта, Фиваиды, Ливии и Пентаполя». И вот что писали в своем Окружном послании отцы этого собора: «Говорят (ариане), что, по кончине епископа Александра, когда некоторые, и то немногие, напомнили об Афанасии, он был рукоположен шестью или семью епископами тайно, в сокровенном месте. Это писали и царям сии люди, не отказывающиеся писать всякую ложь. Но что всё множество жителей, все, принадлежащие к вселенской церкви, собравшись вместе и единодушно, как бы в едином теле, вопияли, взывали, требуя в епископа церкви Афанасия, и всенародно молили о сем Христа в продолжение многих дней и ночей, заклинали нас сделать это, и сами не выходя из церкви, и нам не дозволяя выйти, — этому свидетели и мы, и весь город, и вся епархия... И что рукополагали его многие из нас, в глазах у всех и при общем всех восклицании, — сему опять мы, рукополагавшие, служим более достоверными свидетелями, нежели те, которых при сем не было и которые говорят ложь»<sup>49</sup>. Итак, хиротония Афанасия Великого была совершена сонмом египетских епископов, и эта практика никогда в александрийской церкви не нарушалась. Значит, при Севере в Александрии было одно действительное предание: *епископа рукополагают только епископы*.

А что в Александрии существовало именно это, а не другое предание, в том убеждает нас «Прощение египетских епископов и александрийского клира», поданное в 457 г. (т. е. еще за 62 года до прибытия Севера в Египет) императору Льву Великому. Прощение это было подано вследствие монофизитских насилий над православными и убийства монофизитами православного александрийского епископа св. Протерия в целях поставления на александрийскую кафедру монофизита. Таким претендентом на окровавленную кафедру явился известный своею жестокостью Тимофей Элур (Кот), который и принял рукоположение от монофизитских епископов, «хотя их было только два, — как говорилось в Прощении, — потому что из египетской диоцезии, вопреки обычаю при таких рукоположениях александрийского епископа, не присутствовал ни один православный епископ»<sup>50</sup>. Итак, в V в. существовало в Александрии предание или обычай, чтобы рукоположение александрийского епископа совершали египетские епископы. При рукоположении Элур этот канонический и традиционный порядок был нарушен: Элур рукоположили два низложенных и осужденных на ссылку монофизитских епископа — Евсевий пелусийский и Петр майюмский, из коих последний был родом ибериец (т. е. грузин) и принадлежал к числу не египетских, а палестинских епископов.

Но, может быть, Север в самом деле знал другое предание? Может быть, он говорит о предании, шедшем из до-афанасьевских времен? Может быть, в его время в Александрии действительно хранилось предание о былом рукоположении местных епископов пресвитерами? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно установить, насколько правилен и точен русский перевод его письма, предлагаемый проф. А. Спасским. Ведь, по словам последнего, письмо Севера дошло до нашего времени только в переводе на сирский язык. Перевод этот сделан, как пишут А. Спасский и его подголосок Вл. Чеховский, каким-то Антонием низибийским. Но уже эта маленькая неточность, — перевод на самом деле принадлежит Афанасию низибийскому, — побуждает читателя к скептическому и осторожному отношению ко всем дальнейшим словам проф. А. Спасского. И действительно, только что прочитав имя небывалого Антония низибийского, читатель наталки-

<sup>49</sup> Св. Афанасий Великий. Защитительное слово против ариан; русск. пер.: Творения, т. 1, М., 1851, стр. 198—199.

<sup>50</sup> Еварий. Церковная история, кн. II, гл. 8; русск. пер.: СПб., 1853, стр. 80.

вается на новое, неведомое и мифическое лицо Симона Хананеяна<sup>51</sup>, издающего какие-то каноны, коими руководился «известный» (вернее: совершенно неизвестный) Исаия. На самом же деле Эмесский епископ монофизит Исаия, совершив единолично рукоположение нового епископа, мотивировал свое действие исключительными условиями своего времени, т. е. гонением на монофизитов со стороны православного правительства, и в оправдание свое сослался на VIII книгу Апостольских постановлений, в коей от лица апостола Симона Кананита (или Зилота) дается такое правило: «Епископ да рукополагается тремя или двумя епископами. Если рукоположится одним епископом, то да будет извержен и он и рукоположивший его. А если рукоположиться ему одним епископом заставит необходимость, по невозможности присутствовать большему числу епископов, во время гонения или по другой подобной причине, то да представит он согласие на то большего числа епископов»<sup>52</sup>. Но Север антиохийский оказался совершенно не знакомым с этим правилом, чем и показал, что оно внесено было в VIII книгу Апостольских постановлений сирскими монофизитами в очень недавнее время и еще не успело получить широкого распространения. Цель Северова письма была именно разъяснить Исаии и его эмесской пастве, что в важных церковных делах, относительно которых есть ясные указания и определения в церковных канонах, невозможно руководиться когда-то и где-то случавшимися исключениями из общецерковной практики. Вместе с этим Север и обличает Исаию за его неканонический поступок. Но профессор А. Спасский, предлагая читателям свой перевод отрывка из Северова письма, совершенно упустил из виду эту цель письма, почему в его переводе и получилась такая несообразность: опровергая практику «известного» епископа Исаии рукополагать епископов «посредством одного епископа», Север вдруг сообщает ему, что и в Александрии, городе, известном своим «православием» (т. е. монофизитством), «поставление епископа совершается рукою епископа», т. е. тоже одного, как это сделал и Исаия у себя в Эмессе, и следовательно Север дал Исаии только новое основание к оправданию его неканонического поступка. Неправильность перевода, сделанного проф. А. Спасским, ясна, таким образом, сама по себе. Кроме того, каждый внимательный читатель вправе усомниться в точности перевода А. Спасского и там, где он приписывает Северу слова о том, что поставление александрийских епископов в общецерковном порядке началось только «в последние дни». Сказать так Север, конечно, не мог, зная, что еще за 200 лет до его приезда в Египет св. Афанасий рукополагался не пресвитерами, а епископами. Эти явно бросающиеся в глаза несообразности заставляют усомниться и вообще в правильности перевода всего отрывка. Конечно, мы не знаем, кто проф. А. Спасскому перевел Северово письмо с сирского языка на русский с такими ребяческими ошибками, в коих Апостол превращен в какого-то мифического «хананеяна», а Исаии вместо опровержения дается новое оправдание. Но мы знаем, что существует вполне научный и правильный перевод Северова письма на французский язык. Перевод этот помещен в капитальном иллюстрированном издании Ф. Каброля: «Словарь христианской археологии и богослужения» (*Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*), начатом в 1903 г. целым рядом французских ученых. В этом замечательном издании Каброля перевод письма монофизита Севера имеет совсем иной смысл, чем у проф. А. Спасского. Там, где последний употребляет термин: «рукополагался», во французском переводе стоит: *fût nommé* (т. е. был нарекаем, именуем), а где у Спасского: «поставление», там у Каброля: *l'institution* — утверждение. И весь отрывок письма в русской передаче с французского приобретает такой вид: «Су-

<sup>51</sup> «Хананеян» — словообразование безграмотное, и Вл. Чеховский исправляет его, употребляя «Хананеянин».

<sup>52</sup> Постановления апостольские, кн. VIII, гл. 27; русск. пер.: Казань, 1864, стр. 287.

ществовал также обычай, что епископ города, неизвестного своим право-славием, города Александрии, был некогда нарекаем пресвитерами; но впоследствии, согласно с повсеместно принятым правилом, торжественное утверждение (избрания) епископа этого города стало совершаться руками епископов»<sup>53</sup>.

Ясное дело, что Север пишет совсем не о пресвитерском рукоположении александрийских епископов, а только о том «наречении», о котором писал и бл. Иероним в письме к Евангелу, но при этом монофизитский патриарх считает нужным восполнить свою речь напоминанием о соборных постановлениях, установивших однообразную практику избрания епископов. Таким образом, о рукоположении александрийских епископов пресвитерами говорит не Север антиохийский, который, действительно, мог знать истинные предания александрийской церкви, а профессор Московской духовной академии А. Спасский с своим совершенно неправильным переводом, искажающим смысл Северова письма.

«С этим известием Севера, — говорит дальше проф. А. Спасский, — любопытно сопоставить рассказ Лавсаика о Пимене». Да, действительно, и любопытно, и поучительно. Только напрасно московский профессор для устрашения читателя своей ученостью приводит английскую цитату. Лавсаик писан Палладием, епископом еленопольским († ок. 440 г.) на греческом языке, и эта книга на Востоке не только популярна, но имеет и церковное употребление. Православная церковь издревле своим богослужбным Уставом требует, чтобы на утренях великого поста во все дни, кроме суббот и воскресений, производилось два назидательных чтения из Лавсаика. Лавсаик до последнего времени был и у нас любимым чтением монахов. На русский язык он переводился несколько раз. Но, увы, напрасно благочестивый читатель стал бы искать в Лавсаике сказание о Пимене: проф. А. Спасский и тут оказался неточным. Это сказание находится в другом древнем сочинении: «Изречения отцов» (*Aporhthegmata patrum*). Речь тут идет об авве Пимене, т. е. о нижеегипетском подвижнике Пимене Великом († ок. 450 г.), и повествуется следующее: «Пришли некогда к авве Пимену какие-то еретики и стали сплетничать (*κατα' αλεῖν*) про александрийского архиепископа, будто бы он получил хиротонию от пресвитеров. Старец же помолчав позвал своего брата и сказал: приготовь трапезу, дай им поесть и отпусти их с миром»<sup>54</sup>. В этом сказании не называется по имени тот архиепископ, на которого еретики взвели клевету, не упоминается и о том, какие это были еретики. Но так как дело происходило в V в., то ясно само собой, что речь идет о св. Кирилле (412—444 гг.), еретиками же, без сомнения, были несториане, с которыми св. Кирилл неутомимо вел горячую борьбу. Клевета еретиков вполне понятна: это обычный агитационный прием всех отступников от православия. Так и в Слове Божиим говорится: «все они — упорные отступники, живут клеветою» (Иер. 6, 28). Известно, что св. Афанасия Великого ариане беспощадно осыпали клеветой, не стыдясь писать даже царям, что он отрубил у мелитианского епископа Арсения руку и при посредстве этой мертвой руки занимается колдовством; св. Евстафия антиохийского те же ариане до такой степени опачкали, что «царь (равноап. Константин) наказал его ссылкой в западные пределы государства» (во Фракию) «за смешение его с отроковицей и наслаждение постыдным удовольствием»; на св. Григория Богослова те же еретики клеветали, будто он в своей Анастасии проповедует многобожие; про св. Евлогия александрийского монофизиты, в том числе даже ученый историк, монофизитский епископ Иоанн ефесский, распространяли клевету, будто он совершает идолослужение и даже приносит человеческие жертвы. Несториане же клеветали на св. Кирилла, как на своего злейшего врага, будто он не настоящий епископ. Проф.

<sup>53</sup> Cabrol F. Dictionnaire... Fascicul. V, col. 1205—1206.

<sup>54</sup> Migne, P. G., t. LXV, col. 341, § 78.

А. Спасский совершенно неверно передает мысль греческого подлинника, когда пишет, что еретики «порицали» александрийского епископа. Поричать можно за действительно допущенное нарушение правил. В правильности же рукоположения св. Кирилла ни у кого никогда даже и не зарождалось сомнения и еретики могли именно только сплетничать или клеветать на него. Поэтому-то преп. Пимен не стал и разговаривать с ними. Если еретическая клевета имеет для проф. А. Спасского и Вл. Чеховского силу авторитета, то они с полным правом могут утверждать и «научно» доказывать, что александрийские епископы занимались колдовством, отрубая у раскольнических архиереев руки.

Заканчивается достопримечательное примечание проф. А. Спасского сообщением о возложении рук народом на пресвитера Александра, который был на александрийской кафедре преемником Ахиллы и предшественником св. Афанасия. Сообщение это заимствовано А. Спасским из «Истории патриархов коптской церкви в Александрии» (History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria), помещенной в «Восточной Патрологии» (Patrologia orientalis). Но кто был автором этой «Истории», А. Спасский, а за ним неизбежно и Вл. Чеховский, не говорят. А между тем имя автора всегда имеет громадное значение при определении достоверности и ценности его исторических сообщений. Есть имена, за коими прочилась репутация непогрешимых авторитетов; есть имена, стяжавшие себе печальную известность, и есть имена, ровно ничего не говорящие.

#### § 4. Севир ибну-ль Мукаффа

Автором «Истории патриархов коптской церкви в Александрии» был средневековый монофизитский писатель Севир ибну-ль Мукаффа, епископ ашмунайский. Время его деятельности падает на вторую половину X в., при коптских патриархах Ефреме (971—974 гг.) и Филофее (975—1001 гг.). Кафедральным городом его был Ашмунай, или по-древнегречески Великий Гермополь, лежавший в области Первой Фиваиды, в 365 верстах от Александрии (с. ш. 27°50', в. д. гр. 30°39'). В свое время Севир считался не только ученым человеком, но и находчивым полемистом и остроумным собеседником. При патриархе Ефреме ему пришлось, например, вести религиозный диспут с одним евреем, по распоряжению самого калифа Аль-Мундза<sup>55</sup>, и своими знаниями, а также находчивостью он сразу же поставил еврея в безвыходное положение. Рассказывают, что однажды ему пришлось быть у египетского кади (мусульманского духовного судьи), и тот задал ему щекотливый вопрос: пробежавшая мимо их собака — христианка или мусульманка? Севир нашел и здесь для себя выход. «Спроси ее самое, — отвечал он. — У нас, христиан, сейчас пост, и мы мяса не едим, но пьем немного вина. Вы же, магометане, всегда едите мясо и никогда не пьете вина. Дай собаке на выбор мяса и вина и тогда увидишь, кто она — христианка или мусульманка». Он был весьма плодовитым писателем. Как араб по происхождению, он писал свои сочинения на арабском языке. Первый из европейских ученых, ознакомивший Европу еще в начале XVIII в. с содержанием Севировой «Истории патриархов», Евсевий Ренодот (Renodotus, Renaudot) перечисляет еще 25 его сочинений, остающихся и до сих пор не переведенными на европейские языки. Он писал по многим вопросам. Есть у него и догматические сочинения («О единстве Божию», «Изложение христианской веры», «Изъяснение тайны воплощения», «Изъяснение основ христианской веры»), и экзегетические («Комментарий на евангелия»), и нравоучительные («Об упражнении христиан», «Об удалении уныния и исправлении нравов», «Притчи и загадки»), и литургические («О пасхе и евхаристии», «Порядок церковных обрядов»,

<sup>55</sup> Калиф Аль-Мундз принадлежал к династии фатимидов; властвовал с 953 по 972 г. Завоевал Египет и Сицилию. Расширил город Каир, который и сделал своей столицей.

«О церковных должностях»), и полемические («Против иудеев и мутази-литов», «Против веры в судьбу», «Против несториан», «Против Санда ибну-ль Батрик, александрийского патриарха мельхитов»), и исторические («Историческое обозрение четырех вселенских соборов», т. е. Никейского, Константинопольского, Ефесского и Разбойничьего). Среди этих сочинений одно «О пасхе и евхаристии» у коптских монофизитов помещается до сих пор в чине приготовления к причащению. Главный труд его — это «История патриархов коптской церкви в Александрии». «История» эта составлена им около 975 г. и излагает биографии 55 александрийских патриархов: сначала православных от евангелиста Марка до св. Протерия († 457 г.), а затем монофизитских от Тимофея Эдура (457—477) до Шанути I (859—881 гг.). Сам Севир, видимо, придавал этому своему труду большое научное значение, так как уверяет читателя, что при составлении этой «Истории» он пользовался греческими и особенно коптскими литературными памятниками, хранившимися в разных египетских храмах, главным же образом в монастыре преп. Макария Египетского в Скитской пустыне. Что Севир знал коптский язык, это не может подлежать никакому сомнению, так как жизнеописания монофизитских патриархов, начиная с Веннамина (622—659 гг.) и кончая Шанути I, представляют у него или переделку или даже просто перевод с коптского языка уже существовавших биографий. Правда, это — сравнительно поздняя коптская литература, возникшая в эпоху монофизитства и по прекращении в Египте византийского владычества, но Севир дает и о более древних александрийских епископах такие сведения, которые у других церковных писателей не встречаются. Очевидно, что у него были, действительно, под руками памятники и древнейшей коптской письменности, а может быть и греческой. Правда, Ренодот, вопреки заявлению самого Севира, решительно утверждает, что греческого языка он не знал, но едва ли есть серьезные основания не верить в данном случае Севиру. Европейские ученые прежнего времени относились к «Истории» Севира не совсем благосклонно. Тот же Ренодот, положивший в основу своей «Истории патриархов александрийских якобитов» (*Historia patriarcharum alexandrinorum jacobitarum*) труд Севира ашмунайнского, счел нужным сделать предупреждение, что о древних александрийских епископах Севир едва ли сообщает что-нибудь такое, что носило бы действительные признаки первобытной древности. Ренодот даже отказался сделать полный перевод Севирина труда на латинский язык, мотивируя свой отказ нежеланием давать христианскому ученому миру новую кучу сказок в придачу к тем, которых много имеется у греков и латинян. Вместо полного перевода, Ренодот, по собственному его заявлению, сделанному в предисловии к своему ценному сочинению, счел за лучшее привести труд Севира только в извлечении, «отвергну то, что полнее читается в греческих и латинских памятниках, и опустивши сказки, за исключением тех, кои служат к уяснению предания церковей греческой и латинской»<sup>56</sup>. По отзыву английского церковного историка Нила, труд Севира составлен без всякой критики и без надлежащего внимания к делу, с осязательными ошибками, многочисленными сказками и искажениями истины в интересах своей монофизитской партии<sup>57</sup>. Но этот отзыв более приложим не к древнейшему (православному) периоду александрийской церковной истории, а к монофизитскому, когда открылась борьба между православными и еретиками. Более близкое знакомство с трудом Севира ашмунайнского показывает, что этот историк действительно пользовался многочисленными коптскими сочинениями — не одного лишь легендарного характера, но и имеющими ценность достоверных источников. Используя последние, Севир дает иногда такие сведения, которые у других писателей совсем не встречаются и которые новейшим ученым дали возмож-

<sup>56</sup> *Renodotius E. Historia patriarcharum...* Paris, 1713, praefatio.

<sup>57</sup> *Neal J. A History...* London, 1847, tom. II, pag. 191.

ность уяснить некоторые неосвященные и тусклые стороны египетской церковной истории. Ясно, что труд Севира не заслуживает пренебрежения, тем более, что из тех источников, коими он пользовался, до нашего времени сохранилось очень немного. О размерах коптской литературы нельзя судить по тем остаткам, кои сохранились до нашего времени. Севира отделяет от нас целое тысячелетие. За этот период, при арабах и турках, у коптов многое погибло. Об обширности древнекоптской литературы нужно судить по процветанию в древнее время в Египте христианства и христианского подвижничества. Египетские же подвижники (напр., Антоний Великий, Пимен Великий, Пахомий Великий, Иоанн Ликопольский и множество других), а также большинство египетских епископов говорили и писали только по-коптски, совершенно не зная греческого языка. Севирова «История», ранее известная лишь по сочинению Ренодота, ныне стала известна в полном своем виде благодаря изданию ее в 1905 г. во 2-м и 4-м выпусках I тома «Восточной Патрологии» (*Patrologia orientalis*, Paris, 1905) как в подлинном арабском тексте (верхняя часть страницы), так и в переводе на английский язык (нижняя половина). Английский перевод, сделанный Б. Юнгтсом, отличается особенной точностью и почти буквальной близостью к арабскому оригиналу.

Эта буквальность сохраняется и в сообщении о епископе Александре, которое известно нам по «примечанию» А. Спасского и по книжке Вл. Чеховского. Но в примечании А. Спасского перевод этого сообщения сделан без надлежащей точности и даже полноты. Что касается Ренодота, то он в своем труде изложил это сообщение своими словами, по собственному разумению и истолкованию их. «По смерти Ахиллы, — говорит Ренодот, — собралось христианское множество, и рукоположен был священник Александр, согласно завещанию Петра, последнего из мучеников»<sup>58</sup>. Такое переложение Ренодот сделал не потому, что не доверял Севиру или считал арабский текст испорченным, но единственно потому, что видел в подлинном арабском тексте именно только этот смысл, как и объяснял он в другом месте. Но кто действительно не доверяет словам Севира в передаче их проф. А. Спасским, так это, сверх всякого ожидания, Вл. Чеховский, который прежде, чем привести слова Севира, делает такое замечание: «Отголосок посвящения епископа александрийского пресвитерами слышится и в сообщении Восточной Патрологии». Каким мыслительным процессом Вл. Чеховский постиг, что в словах Севира заключается мысль о возложении на Александра рук не народа, а пресвитеров, это, конечно, его глубокий секрет. Но он оставляет читателя в полном недоумении: почему же не усмотрел он здесь возложения рук епископских? Если Сеvir не говорит о епископах, то, ведь, в означенном сообщении он ничего не говорит и о пресвитерах; у него речь идет только о народе. Очевидно, что Вл. Чеховскому противна мысль о рукоположении епископа «гражданским» чином, т. е. мирянами, и он не знает, как отделаться от нее. Эта мысль противна и всякому христианину. Знаменитый церковный историк В. Болотов не поколебался написать, что «решительно нет примера, чтобы когда-нибудь община посвятила себе пресвитера или епископа»<sup>59</sup>. Слова эти не на ветер брошены. Они принадлежат человеку, глубочайше ученому и написавшему целый ряд замечательных очерков «Из церковной истории Египта». Конечно, под народом можно было бы разуметь у Севира и «все христианское множество», включая сюда не только мирян, но и всех клириков с пресвитерами и епископами, подобно тому, как в более древнее время употреблялось церковными писателями слово «верующие», с придачей этому понятию самого широкого объема. Напр., один из малоазийских церковных писателей эпохи монтанизма (II в.) сообщает, что когда, по случаю возникновения монтанизма, «верующие начали часто и

<sup>58</sup> *Renodotius E. Historia patriarcharum...*, pag. 67.

<sup>59</sup> *Болотов В. Лекции...*, т. II, стр. 458.

во многих местах Азии собираться и, исследовав новое учение, объявили его нечестивым и отвергли, как еретическое, тогда преданные ему отлучены были от церкви и лишены общения с нею»<sup>60</sup>. Само собою понятно, какие именно «верующие» могли на церковных соборах сделать постановление об отлучении монтанистов от церкви: в рассуждениях о монтанизме, конечно, могли принимать участие и миряне, но отлучить еретиков от церкви могли только епископы. Однако употребленное Севиrom ашмунайским слово «народ» едва ли аналогично и синонимично древнему термину «верующие», так как в другом месте, именно в речи о поставлении в александрийские епископы св. Петра I, он определенно пишет, что тогда собрался «клир с народом». Ясно, что в понятие «народа» у Севира клир не входит.

Довольно оригинальное объяснение пытается дать сообщению Севира писатель XVII в., ученый сириец-маронит Авраам Экхелльский (Ecchellensis). В одном из своих сочинений он утверждает, что в Александрии будто бы существовал «тройкий род» возложения рук при избрании и поставлении александрийского епископа, соответственно трем группам избирателей. «Народ, — говорит он, — подавал и подсчитывал голоса поднятием и протяжением рук, а потом отверждал (голосование) возложением их (на избранника); пресвитеры возлагали свои руки на голову предназначенного к рукоположению даже дважды: как при подаче голосов вместе с другими, так и для назначения избранного лица и одобрения самого избрания. Епископы, уже дважды возлагавшие свои руки, именно для утверждения голосования, а также для назначения и допущения избранного лица (к посвящению), возлагали и еще, наконец, для совершения самого чина (хиротонии)»<sup>61</sup>. Итак, народ будто бы возлагал свои руки на будущего епископа однажды, пресвитеры — дважды, а епископы — даже три раза, иначе говоря: сначала на избранника возлагали руки все три группы избирателей: народ, пресвитеры и епископы, потом пресвитеры с епископами и, наконец, одни лишь епископы. Но как ни уверенно высказал Авраам Экхелльский свои слова, они все-таки не соответствуют действительности: о таком громоздком процессе руковоложений не упоминает ни один из церковных писателей древности, и никаких следов такого процесса ни в чем не сохранилось. Еще Ренодот, опровергая это сообщение Экхелльского, справедливо говорил, что «вся форма подачи голосов мирянами и священниками заключалась в возложении: аксиос — достоин»<sup>62</sup>. Очень может быть, что подсчет голосов, выкрикивавших «аксиос», т. е. признававших предложенного кандидата достойным хиротонии, производился при посредстве поднятия и протяжения голосующими своих рук, как об этом пишет, напр., известный византийский канонист Иоанн Зонара (1120 г.), при объяснении 1-го Апостольского правила: «Когда городскому народу позволялось избирать архиереев, народ сходился и одни желали одного, другие другого. Итак, дабы голос большего числа получил перевес, производившие избрание, говорят, протягивали руки и по ним считали избирающих каждого. Желаемый большинством почитаем был избранным на архиерейство»<sup>63</sup>. Но это протяжение или поднятие рук, если оно и бывало (сам Зонара в этом не уверен, так как ссылается только на какое-то «говорят»), было совсем не тем, что возложение рук на голову будущего епископа.

Что же значат слова Севира ашмунайского, приводимые проф. А. Спасским, о возложении народом рук на пресвитера Александра? Можно ли доверять сообщению Севира, как весьма позднему: ведь, от избрания Александра на епископскую кафедру до написания Севиrom

<sup>60</sup> Евсевий Кесарийский. Церковная история, кн. V, гл. 16; русск. пер., стр. 291.

<sup>61</sup> Ecchellensis Abraham. Eutychius patriarcha Alexandrinus vindicatus. Roma, 1661, cap. 2.

<sup>62</sup> Renodotius E. Historia patriarcharum..., pag. 55.

<sup>63</sup> Правила св. апостол, святых соборов с толкованиями. М., 1901, кн. 1, стр. 13.

своей «Истории патриархов» прошло слишком 660 лет. Срок не маленький: в течение стольких веков всякое предание могло затмиться и искажаться. Не с одной ли из тех сказок, о коих упоминают Ренодот и Ниль, мы встречаемся здесь, в данном сообщении Севира? Но и это предположение нужно отбросить, так как и сам Ренодот не видит здесь сказки. Следовательно, сообщение Севира требует не отрицательного к нему отношения, а только правильного истолкования. Данные же для такого истолкования имеются: это — данные языкознания. Из них открывается, что Сефир ибну-ль Мукаффа совсем и не говорит о возложении народом своих рук на Александра. Евсевий Ренодот, опровергая изложенное выше мнение Авраама Экхелльского, определенно заявил, что в данном сообщении Севира, равно как и в других подобных местах у него, мы встречаемся с особенностями арабского языка и мышления. Справедливость объяснения Ренодота подтверждена и новейшим полным переводом Севириной «Истории» на английский язык. Этот до буквальности точный перевод имеет в правильной русской передаче такой вид: «Когда Ахилла патриарх достиг своего конца, народ собрался и возложил их руки (and laid their hands) на отца Александра пресвитера, как отец Петр, последний из мучеников, повелел им, и он воссел на епископском престоле»<sup>64</sup>. Итак, «возложил их руки». Это странное на наш русский взгляд и слух выражение у Севира встречается неоднократно. Вот, напр., что пишет он о самом Петре, «последнем из мучеников»: «Когда авва Феона патриарх достиг своего конца, александрийский клир собрался с народом и возложил их руки (and laid their hands) на Петра пресвитера, его сына и ученика, и посадил его на епископском престоле Александрии, как Феона, святой отец, заповедал им; это было в 16 году Диоклетиана царя (the prince)»<sup>65</sup>. И народ, как видим, возлагает какие-то «их руки», и с народом клир тоже возлагает какие-то «их руки». Такой ученый ориенталист и знаток арабского языка, как Ренодот, поясняет, что слова арабского подлинника в данном случае равносильны выражению «были возложены оные руки» (*impositae sunt illae manus*), — «конечно, — добавляет он, — теми, кому предоставлено право рукоположения»<sup>66</sup>. Вот почему в своем труде он и написал об Александре: «и рукоположен был священник Александр». Он передавал самым правильным образом мысль Севира, выраженную в арабском подлиннике. Отсюда же становится понятным и обоснованным категорическое утверждение В. Болотова о решительном отсутствии примера посвящения епископа или пресвитера мирянами.

То, что выразил своеобразным способом арабский писатель, встречается и у более древних церковных писателей как восточных, так и западных. Еще в 254 г. Карфагенский собор, проходивший под председательством св. Киприана, в послании к испанским христианам меридской епархии (в области среднего течения Гвадианы), сказав сначала, что «для совершения правильного рукоположения к тому народу, для которого рукополагается предстоятель, должны сходиться все ближайšie епископы той же провинции», добавил затем: «так, видим мы, поступлено и у вас при рукоположении (*ordinatione*) соепископа нашего Сабина, избранного на место Василица. Ему дано было вами епископство, и на него были возложены руки по избиранию от всех братьев и по определению епископов, как прибывших на собрание, так и высказавших согласие свое письмом»<sup>67</sup>. Чьи же руки были возложены на Сабина? Конечно, не меридских мирян, а тех «ближайших епископов», которые «прибыли на собрание». В «Церковной истории» Эрмия Созомена читаем: «Когда епископ (константинопольский Александр) умер (†340 г.), народ, разделившись на две партии, стал явно состязаться о догматах и вступать в ссоры. Ревнителям учения

<sup>64</sup> *Patrologia orientalis*. Paris, 1905, tom. 1, fasc. IV, pag. 401.

<sup>65</sup> Там же, стр. 383.

<sup>66</sup> *Renodotius E. Historia patriarcharum...*, pag. 55.

<sup>67</sup> *Киприан Карфагенский. Послание 56; русск. пер.: т. 1, стр. 317.*



Ариева хотелось рукоположить Македония, а исповедникам единосущия Сына со Отцем — поставить епископом Павла. Последние одержали верх. Но после рукоположения Павлова прибыл царь (Констанций). — ибо он находился тогда в отсутствии, — и разгневался, будто епископство дано недостойному»<sup>68</sup>. Итак, св. Павла Исповедника рукополагает народ. Но своими ли руками? Нет. Тот же Созомен в другом месте говорит, что Павел был рукоположен пребывавшими тогда в городе (Константинополе) епископами, по завещанию Александра, которому преемствовал»<sup>69</sup>. И у Сократа Схоластика встречаем сообщение: «По смерти кизического епископа, Сисиний (константинопольский) на епископию Кизики рукоположил (в 426 г.) Прокла. Но между тем, как Прокл собирался ехать туда, кизикцы, предупредив его, рукоположили одного подвижника, по имени Далматия. И это сделали они, не обратив внимания на закон, запрещавший рукополагать епископа против воли епископа константинопольского»<sup>70</sup>. Чьими руками жители Кизики совершили рукоположение Далматия и кому именно каноны запрещали совершать епископскую хиротонию в константинопольском диоцезе без согласия и утверждения константинопольского епископа? Тот же Сократ и еще говорит: «По смерти (вышеупомянутого) Сисиния († 427 г.), самодержцы, ради людей тщеславных, не заблагорассудили рукоположить на епископство кого-либо из Константинопольской церкви, хотя многим хотелось иметь епископом Филиппа и многим Прокла, но положили вызвать иноземца (Нестория) из Антиохии»<sup>71</sup>. Но разве «самодержцы» собственными руками хиротонисали епископов? Конечно, нет. Как рукополагали самодержцы, это видно, напр., из сообщения блаж. Феодорита о хиротонии св. Иоанна Златоуста, которого император Аркадий «вызвал из Антиохии и, собрав епископов, повелел им низвести на него божественную благодать»<sup>72</sup>.

Так и в Александрии божественная благодать была низведена на св. Петра, «последнего из мучеников», и на св. Александра, первого борца против Ария, не народом или клиром, а только епископами. Правда, Севир ибну-ль Мукаффа в приведенных сообщениях ничего не говорит о епископах, но это потому, что о епископах, очевидно, не было ясной речи и в тех древних источниках, коими он пользовался. А что у него под руками действительно были древние памятники, явственно видится из наименования св. Петра «последним из мучеников». В X в., когда жил Севир, о св. Петре, умершем еще в 311 г., так говорить было нельзя. Очевидно, что это выражение занесено было Севиром в свою «Историю патриархов» из какого-то древнего сочинения, написанного в IV в. в эпоху Константина Великого. Следовательно, путем тщательного анализа можно из Севирова конгломерата извлечь элементы подлинной древности и на основании их воспроизвести древнюю практику избрания епископов на александрийскую кафедру. Руководствуясь как Севиром, так и другими древними источниками, мы постараемся уяснить себе роль египетских епископов в деле избрания александрийских предстоятелей и раскрыть смысл приведенного выше отрывка из письма Севера антиохийского к монофизитскому населению г. Эмессы.

## § 5. Александрийская избирательная практика

28 декабря 300 г. скончался в Александрии «святой отец, авва Феона», занимавший епископский престол почти 19 лет. Его преемником был

<sup>68</sup> Созомен *Эрмий*. Церковная история, кн. III, гл. 4; русск. пер.: СПб., 1851, стр. 169.

<sup>69</sup> Там же, кн. III, гл. 3; русск. пер.: стр. 167.

<sup>70</sup> Сократ Схоластик. Церковная история, кн. VII, гл. 28; русск. пер.: стр. 551.

<sup>71</sup> Там же, кн. VII, гл. 29; русск. пер.: стр. 551—552.

<sup>72</sup> Феодорит Кирский. Церковная история, кн. V, гл. 26; русск. пер.: СПб., 1852, стр. 358.

Петр. Так как Петр сподобился мученической кончины и был единственным мучеником из александрийских епископов после евангелиста Марка, то естественно, что жизнь этого священномученика сделалась предметом самых фантастических легенд. Севир ашмунайнский, пользовавшийся при изложении сведений о сем святителе различными источниками неодинаковой ценности, ставит историков в крайне затруднительное положение, из коего выйти можно только путем разграничения у него древнейшей терминологии от более поздней. Где звучит древняя терминология, там, очевидно, и сведения заимствуются из древних и потому более ценных источников. Только путем выделения этой терминологии и можно отделить зерна исторической истины от плевелов затейливых легенд.

По сообщению Севира, Феона, уже будучи больным, пред своею смертью «рукоположил» Петра в преемники себе. Но потом, по смерти Феоны, он клиром и народом избирается в преемники Феоне и получает рукоположение. Чтобы разобраться в этой путанице, нужно заранее отбросить нелепое сообщение записанной Севиром легенды, что Петр был рукоположен в пресвитеры семнадцати лет. Откинув эту неправдоподобную выдумку, порожденную желанием представить «последнего» мученика личностью необычайной, с детства отмеченной особым предназначением, мы получим возможность до некоторой степени восстановить действительные события.

Севир называет Петра «сыном и учеником» Феоны. Это выражение несомненно принадлежит древнему источнику, и потому содержание, скрывающееся в этих словах, нужно признать за достоверное. Феона не был учителем александрийского Огласительного училища, и, следовательно, Петр был его учеником не по училищу. Он мог получить духовное воспитание и церковное образование при епископской кафедре, как это и бывало в ту эпоху в христианском мире повсюду. Древний источник, поставляя два слова вместе: «сын и ученик», тем самым показывает, что он говорит не о плотском происхождении Петра от Феоны, а об их духовных, церковно-иерархических отношениях, почему Ренодот, передавая слова Севира, употребляет прямо выражение: «духовный сын» Феоны. Но кто из клириков для древнего епископа был «сыном»? Конечно, древние епископы этим именем могли называть всякого, кто был ниже их по сану или положению. Папа Лев Великий в 449 г. одно из посланий своих адресует «возлюбленнейшему сыну, пресвитеру Фавсту»<sup>73</sup>. В том же году епископ равеннский Петр Хрисолог свое обличительное послание к известному еретнику, архимандриту и пресвитеру Евтихию надписывает так: «возлюбленнейшему и досточтимому сыну Евтихию»<sup>74</sup>. А св. Дионисий александрийский в половине III в. даже к епископу Василиду обращается с такими словами: «В послании ко мне, вернейший и просвещеннейший сын мой, ты спрашиваешь меня... Желаю тебе, возлюбленный сын мой, быть здоровым и служить Господу в мире»<sup>75</sup>. Но в этих примерах мы встречаемся с простой формой эпистолярной вежливости и любезности, с непосредственным обращением автора письма к своему адресату, с обращением во втором лице. Да и эти случаи эпистолярного обращения были редки. В третьем же лице древний епископ о пресвитере, а тем более о другом епископе, как о своем сыне, никогда не говорил. Для него «сыном» был всегда его диакон, и только о диаконе говорил он в третьем лице, как о своем сыне. Так, напр., епископ Александр, преемник Петра, составив обличительное послание против Ария, просил константинопольского епископа Александра же «изъявить свое согласие к подавлению» арианской

<sup>73</sup> Деяния Вселенских Соборов; русск. пер.: т. III, Казань, 1863, стр. 60.

<sup>74</sup> Там же, стр. 61. Комбинация «архимандриту и пресвитеру» не представляет собой тавтологии. В древности должность архимандрита не была высшим пресвитерским саном, как это видим мы теперь. В 429 г. поступило к императорам Феодосию II и Валентиниану прошение от «диакона и архимандрита Василия».

<sup>75</sup> Книга Правил, стр. 275 и 280.

дерзости, как согласились на то другие епископы, «подписав наше послание, отправляемое теперь к вам с сыном моим, диаконом Апионом»<sup>76</sup>. Папа Целестин писал в 420 г. еретика Несторию: «письменный акт нашего суда на тебя со всеми другими хартиями мы послали с сыном нашим, диаконом Посидонием» к Кириллу александрийскому<sup>77</sup>. Карфагенский епископ Капреол, не имевший возможности ни сам прибыть на 3-й Вселенский Собор, ни отправить туда африканских епископов, писал собору: «во исполнение установленного в церкви порядка мы назначили к вам, досточтимые братья, сына нашего, диакона Везулу с сим оправдательным посланием»<sup>78</sup>. Еще яснее читаем в послании папы Льва Великого к Разбойничьему собору в Ефесе 449 г.: «Я послал моих братьев — епископа Юлиана, пресвитера Рената и сына моего, диакона Илария»<sup>79</sup>. Наименование диаконов сыновьями у древних епископов было столь обычным, что они, употребляя при том или ином собственном имени, в качестве приложения, слово «сын», даже не считали нужным добавлять в пояснение другое слово «диакон»: читатель понимал, о каком сыне идет речь. Напр., папа Целестин писал: «Прочитав послания и те книги, которые доставил (от Нестория) именитый Антиох, сын наш, мы внимательно рассмотрели содержание их»<sup>80</sup>. Подобным образом говорил Диоскор александрийский: «И я приказал сыну моему Тимофею остерегаться этого человека»<sup>81</sup>. Целестин и Диоскор были люди неженатые: именитый Антиох и Тимофей (Элур) были их диаконами. Даже посторонние лица, когда говорили о сыне епископа, то разумели под ним не пресвитера или второразрядного епископа, а только диакона. В древнем «Похвальном слове», произнесенном якобы ересиархом Диоскором в память своего сподвижника Макария, епископа египетского города Ткоу (Антеополя), вспоминается, между прочим, прием епископов у императора Маркиана и говорится: «Апа (авва) Макарий вошел с сыном своим Пинутионом и сел после епископов Паралии», а дальше сообщается, что после смерти Макария, последовавшей в Александрии вскоре по возвращении его из Константинополя, архимандрит тавеннисийский Пафнутий «принял к себе его диакона Пинутиона в монастырь в Канопе»<sup>82</sup>. Это наименование древних диаконов «сыновьями» епископов есть явление не случайное, а естественно вытекающее из сущности их иерархических степеней, как выяснялось еще в Дидаскалии: «Итак, епископы и диаконы, будьте единомышленны и заботливо пасите народ в единодушии, ибо вы оба должны быть едино тело: отец и сын, так как вы — символ господства»<sup>83</sup>. Иерархические отношения между диаконом и епископом являлись, по учению Апостольских постановлений, отображением отношений Христа к Богу Отцу: «Как Христос ничего не делает без Отца, так и диакон — без епископа; и как нет Сына без Отца, так нет и диакона без епископа; и как Сын обязан исполнять Свой долг в отношении к Отцу, так и всякий диакон — в отношении к епископу; и как Сын есть ангел и пророк Отца, так и диакон есть ангел и пророк епископа»<sup>84</sup>. В виду изложенного, с полным правом можно утверждать, что св. Петр, названный в древнем источнике «сыном и учеником» Феоны, не был еще при жизни последнего пресвитером. Вероятнее всего он был просто благочестивый мирянин, знавший Священное Писание и церковное учение и находившийся в близких отношениях к епископу Феоне. Последний пред смертью своею пожелал видеть его своим преем-

<sup>76</sup> Феодорит Кирский. Церковная история, кн. I, гл. 4; русский пер.: стр. 35.

<sup>77</sup> Деяния Вселенских Соборов, т. I, Казань, 1859, стр. 393.

<sup>78</sup> Там же, стр. 589.

<sup>79</sup> Там же, т. III, стр. 50.

<sup>80</sup> Там же, т. I, стр. 382.

<sup>81</sup> Болотов В. Из церковной истории Египта. «Христианское чтение», 1884, № 11—12, стр. 591.

<sup>82</sup> Там же, стр. 596 и 601.

<sup>83</sup> Дидаскалия, гл. XI; русск. пер.: стр. 80.

<sup>84</sup> Апостольские постановления, кн. II, гл. 30; русск. пер.: Каз., 1864, стр. 61.

ником и, получив от него согласие на это, объявил, конечно, об этом своему клиру и народу и даже положил начало восхождению Петра по иерархическим степеням, рукоположив его в диаконы и сделав его, таким образом, своим «сыном».

Епископ Феона не ошибся в Петре. Евсевий Кесарийский, вероятно знавший Петра лично, свидетельствует о нем, что он «славно предствительствовал над александрийскими церквами и был краскою епископов как по доблестям своей жизни, так и по своим занятиям в Священном Писании»<sup>85</sup>. И авторитет умершего «аввы», и личные достоинства его ученика побудили как клириков, так и народ единогласно и дружно избрать, по смерти Феоны, на овдовевшую кафедру именно Петра. При этом избрании первенствующая и руководящая роль принадлежала, очевидно, клиру, т. е. пресвитерам с прочими священно-церковно-служителями, ибо, по словам Севира, для избрания Петра собрался «клир с народом». О епископах умалчивается, хотя избирался верховный епископ всего Египта: «великий епископ и отец наш Петр, от коего мы все зависим по надежде, которую имеем на Господа Иисуса Христа», — как выразились египетские епископы-исповедники (Исихий, Пахимий, Феодор и Филеас) в своем письме к епископу ликопольскому Мелиту (Мелетию)<sup>86</sup>. О епископах нет речи потому, что они и не принимали участия в этих выборах. Но рукоположение совершено было все-таки епископами: не иные, а именно «их руки» были возложены на вновь избранного епископа. Прибывшие в Александрию епископы делали только одно дело: беспрекословно рукополагали того, кого избирал александрийский клир и народ, под преобладающим влиянием местных пресвитеров. Наиболее яркие речи об этом значении александрийского пресвитерата мы встречали уже в сообщениях бл. Иеронима и Севера антиохийского. Это значение пресвитеров в деле избрания александрийских епископов не забывалось в Александрии долгие века. Несмотря на всякие случайности и неожиданности при замещениях александрийской кафедры в смутные годы церковной жизни, в Александрии как у православных, так и у монофизитов сохранялось предание о том, что избрание епископа (патриарха) есть дело преимущественно пресвитеров. В монофизитской же среде создалось даже преувеличенное представление об избирательных правах александрийских пресвитеров. Это видно, например, из повествования того же самого Севира ашмунайнского об избрании преемника монофизитскому патриарху Косме I в 727 году. В первом же избирательном собрании произошел тогда конфликт между епископами и пресвитерами, так что заседание расстроилось само собой, и дело было отложено до следующего дня. На другой день явились в храм епископы и, совершив молитву, воссели на кафедры; явились и пресвитеры, и один из них, по имени Прот или Прим (т. е. «Первый»), довольно резко обратился к епископам с напоминанием, чтобы они знали свое дело и исполнили бы его в «добром порядке».

«Феодор, один из епископов, — пишет Сеvir ибну-ль Мукаффа, — ответил ему:

— Кого же вы избрали? Ведь и мы тоже должны знать его.

Тогда Прот или Прим сказал:

— Кого надо. И это имя его написано.

Феодор со своей стороны сказал им:

— Если угодно собору, то это — самый лучший.

Тогда Прот (заметил) ему:

— Это — наше дело, а не епископов, до которых ничто другое не касается, кроме возложения рук. Избирать же патриарха — это наше дело.

Авраам, епископ файюмский, ответил им:

<sup>85</sup> Евсевий Кесарийский. Церковная история, кн. IX, гл. 6; русск. пер.: стр. 519.

<sup>86</sup> Routh, M. J. Reliquiae sacrae. Tom. IV. Oхonii, 1846, pag. 94. Об этих священно-мучениках есть упоминание и у Евсевия Кесарийского (Церковная история, кн. VIII, гл. 13; русск. пер.: стр. 496).

— Конечно, епископы рукоположат вам только вашего избранника. Если вы предложите достойного, мы рукоположим его; в противном случае мы отвергнем его»<sup>87</sup>.

Итак, в Александрии, по крайней мере в монофизитской среде, в VIII в. существовал по традиции такой «добрый порядок»: избирают пресвитеры, рукополагают епископы.

Пробыв на Александрийской кафедре почти 11 лет, св. Петр 26 ноября 311 года, в гонение Максимиана, принял мученическую кончину. С его каноническим «Словом о покаянии» и отношением к исповедникам мы уже знакомы (гл. IV, § 3).

Для древнего писателя, видевшего торжество христианства при равноапостольном Константине и не дожившего до дней Юлиана Отступника (362—363), когда церковь снова обагрилась кровию мучеников, св. Петр был «последним из мучеников». Севир ибну-ль Мукаффа, употребляя это архаическое выражение, тем самым показывает, что при изложении сведений о древнейших александрийских епископах он пользовался трудом этого древнего писателя. Впрочем, Севир не понял этой причины названия Петра «последним из мучеников», как не понял ее и автор позднейшей легенды о мученичестве св. Петра, которую также воспользовался Севир. Известно, что легенды чаще всего создаются или в качестве фантастических подробностей и украшений голых фактов, о которых достоверные свидетели говорят лишь вкратце, или же в качестве конкретного, часто даже детски наивного объяснения разных исторических, географических и тому подобных наименований и прозваний, происхождение которых уже подверглось забвению. Поэтому нужно думать, что именно в пояснение слов древнейшего писателя о Петре, как «последнем из мучеников», автор позднейшей легенды вводит в свой рассказ посвященную Богу деву, которая в момент усекновения главы св. Петра произносит: «Как Петр был первым из апостолов, так Петр будет и последним из мучеников». Но придуманная автором легенды дева вышла у него очень неудачной пророчицей. Между тем внесение Севиром в свою «Историю патриархов» этой и многих других подобных легенд, которые он пристегнул к сообщениям древнейшего и наиболее достоверного источника (по-видимому, древнего Мартиролога), вызывает одни только недоумения и создает затруднения, выход из коих возможен лишь при помощи других древних литературных памятников.

Передавая подробное легендарное сказание о мученической кончине св. Петра, Севир ашмунайнский сообщает, что св. Петр, предвидя неизбежность своего ареста, призвал к себе своих учеников Ахиллу и Александра, подробно объяснил им причину отлучения им от церкви диакона Ария, увещал их твердо держаться веры, предсказал им, что оба они, один после другого, будут его преемниками по александрийской кафедре, и затем, уверив всех присутствовавших при этом, что они видятся с ним уже в последний раз, благословил всех и простился с ними, после чего он и действительно взят был под стражу.

Но эта приводимая Севиром легенда не только не разъясняет, но, наоборот, еще более затемняет тот исторический факт, что по кончине св. Петра († 26 ноября 311 г.) александрийская кафедра оставалась незамещенной в течение нескольких месяцев и избрание Ахиллы на епископский престол состоялось, по принятой историками хронологии, уже после 25 июля 312 года<sup>88</sup>. Не уясняет эта легенда и тех слов Севира, очевидно принадлежащих не легенде, а древнейшему памятнику, что Александр избирался лишь народом (с умолчанием не только о епископах, но даже и о пресвитерах).

<sup>87</sup> *Le Quien M. Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus. Tom II, Paris, 1740. col. 344.*

<sup>88</sup> *Acta sanctorum, junii, t. V: Patr. Alex. hist. chron., cap. 189.*

Что св. Петр скончался мученически, это — достоверный исторический факт, но таковы ли были подробности его последних дней, какими изображает их легенда, в этом можно и сомневаться. Во всяком случае эта легенда едва ли вяжется со словами Евсевия Кесарийского: «В то же самое время без всякой вины был схвачен и, сверх всякого ожидания, вдруг просто без всякой причины, а только будто бы по приказанию Максимиана, обезглавлен Петр»<sup>89</sup>. Так говорит современник и очевидец гонения, и словам его нельзя не верить. Если же смерть св. Петра была для всех неожиданностью, то и предсмертных распоряжений, он, конечно, сделать не успел. Возможно, что в этот неожиданный момент, когда он «без всякой вины был схвачен», при нем оказались два близких к нему пресвитера — Ахилла и Александр, а также несколько случайных мирян. Арестованный святитель мог только пожелать этим пресвитерам успеха в жизни, и, пожалуй, даже епископского сана, чему свидетелями могли оказаться и присутствовавшие здесь миряне. Но сделать положительное и формальное распоряжение или завещание о назначении себе преемника он, конечно, был лишен возможности.

Неожиданная смерть св. Петра, несомненно, произвела на первых порах всеобщую растерянность. Вопрос об избрании нового епископа откладывался по этой причине сам собою на неопределенное время. А отсутствие такого лица, которое было бы положительно и официально указано св. Петром в качестве его преемника по александрийской кафедре, побуждало и клир и мирян александрийских заняться серьезно вопросом о кандидатах на овдовевшую кафедру. Александр в это время едва ли считался серьезным кандидатом на александрийскую кафедру, так как это был человек, еще мало чем выдававшийся. Ахилла же, удостоившийся пресвитерства еще при Феоне, был в Александрии личностью весьма заметною, так как он занимал должность начальника «училища святой веры», т. е. известной александрийской Огласительной школы. Евсевий Кесарийский дает о нем такой отзыв: «Он не менее других совмещал в себе необыкновенное знание философии с истинным образом евангельской жизни»<sup>90</sup>. Но если он в течение целых восьми месяцев по кончине св. Петра оставался не избранным на епископский престол, то, очевидно, на это была какая-то серьезная причина. Едва ли нужно искать ее в страхе пред гонителями, так как правление жестокого Максимиана продолжалось и после 25 июля 312 г., когда Ахилла уже занял архиерейский престол. Эту причину мы видим единственно в том, что внимание всех александрийцев в то время устремлено было не на Ахиллу, а на другую личность, пользовавшуюся у александрийцев вниманием, уважением и любовью. Этой личностью был «Ориген Младший», т. е. Пиерий. У Евсевия о нем нет никаких сведений, кроме упоминания одного лишь имени его, с прибавлением, что он жил в Александрии во времена Феоны одновременно с Ахиллой. Некоторые сведения о нем дает лишь бл. Иероним в своем труде «О знаменитых мужах» (гл. 76) и во 2-м письме к Паммахию. По сообщению Иеронима, это был выдающийся учитель александрийской школы, отличавшийся громадными познаниями в науках как светских, так и церковных, необыкновенным красноречием и обилием собственных сочинений. Александрийцы приравнивали его к знаменитому Оригену и называли его «Оригеном Младшим». К сожалению, из его многочисленных сочинений до нашего времени не дошло ни одного. Но не одною лишь ученостью славился Пиерий; он был известен и своей благочестивой аскетической жизнью. В Александрии он жил до начала Диоклетианова гонения (в 303 г.), а затем почему-то переехал в Рим и оставался там, по словам бл. Иеронима, даже тогда, когда дарован был церкви мир, т. е. в дни Константина Великого. Там же он и скончался<sup>91</sup>. Чем занимался он в Риме, неизвестно; нет из-

<sup>89</sup> *Евсевий Кесарийский. Церковная история, кн. IX, гл. 6, русск. пер.: стр. 519.*

<sup>90</sup> Там же, кн. VII, гл. 32; русск. пер.: стр. 466.

<sup>91</sup> *Бл. Иероним. Творения, ч. V, стр. 328—329; ч. II, стр. 47—48.*

вестий и о том, когда он скончался. Несмотря, однако, на оставление им Александрии, христиане александрийские не забыли его: очень может быть, что между ним и александрийцами поддерживались письменные сношения. По-видимому, имя его было в Александрии не только популярно, но и священо. Во всяком случае мы встречаемся вот с каким необычайным и интересным явлением: александрийцы в IV в. воздвигли в честь него храм<sup>92</sup>. Мы думаем, что этому-то «забытому» для александрийцев IV в. учителю и была предложена святительская кафедра. Но так как он жил в Риме, то на переговоры с ним ушло немало времени. Пиерий, по своей скромности и смирению, очевидно, от высокой чести отказался. Тогда-то только александрийцы и избирают в преемники св. Петру пресвитера Ахиллу, который был сотрудником Пиерия по Огласительному училищу.

Ахилла занимал александрийский престол меньше года; по наиболее точно установленной дате, он скончался 13 июня 313 года<sup>93</sup>. Александрийцам снова пришлось заняться избранием себе епископа. Но, как можно судить на основании исторических данных, новые выборы прошли крайне негладко. В это время в Александрии не было уже пресвитеров, славившихся своею ученостью. Ахилла был последним из них. На арену церковной деятельности явились новые лица, среди которых центральной фигурой был ливиец Арий, человек уже не молодой. По сообщению Эрмия Созомена, он сначала принадлежал к раскольническому обществу мелитиан, но потом воссоединился с церковью и от св. Петра получил рукоположение в диаконский сан. Но так как он всё еще продолжал проявлять свои симпатии к мелитианам, то св. Петр запретил его в священнослужении. Только уже по кончине Петра он в кратковременное управление Ахиллы сумел войти в доверие к последнему и получить не только разрешение священнослужения, но даже и рукоположение в пресвитерский сан<sup>94</sup>. Этот новый пресвитер быстро приобрел себе среди александрийского духовенства симпатии и сторонников. По описанию св. Епифания Кипрского, который лично видал его, Арий был человек высокого роста с серьезным видом и важной поступью. Вся наружность его способствовала обольщению простаков. Он носил одежду очень оригинальную, одеваясь в коловий — безрукавную рубашку и в полумантию — имифорий, чем производил впечатление как бы какого-то подвижника. В обращении с людьми, когда нужно было, он умел проявлять лицемерную приветливость и утонченную вежливость<sup>95</sup>. Вот этот-то человек, всколыхнувший впоследствии весь христианский мир, сыграл большую роль и на епископских выборах в 313 г., по смерти Ахиллы. Бл. Феодорит, епископ Кирский (†475 г.), при изложении истории арианства, коснувшись избрания Александра, пишет: «В это-то время стоявший в чине пресвитеров и имевший поручение изъяснять Божественное Писание Арий, видя, что Александр получил кормило архиерейства, не вынес приражения зависти, но, возбуждаемый ею, изыскивал предлоги ко вражде и ссоре. Достохвальная жизнь Александра, конечно, не позволяла ему сплетать на него клеветы; однако ж, движимый завистью, он не мог и успокоиться»<sup>96</sup>. Что это значит? Откуда в новопоставленном пресвитере, священствовавшем всего лишь несколько месяцев, вдруг могло явиться такое «приражение зависти» и такое стремление «ко вражде и ссоре» со своим епископом? Но дело было не в одном Арии. Мы видим, что в Александрии вскоре же по восшествии Александра на епископскую кафедру начинается среди

<sup>92</sup> Устройство в Александрии храма в честь Пиерия наводит на мысль, что сообщение бл. Иеронима о кончине Пиерия в Риме едва ли соответствует действительности. Вероятнее всего, храм в Александрии был поставлен именно над могилой Пиерия.

<sup>93</sup> Acta sanctorum, junii, t. V: Patr. alex. hist. chron., cap. 190.

<sup>94</sup> Созомен Эрмий. Церковная история, кн. I, гл. 15; русск. пер.: стр. 56—57.

<sup>95</sup> Епифаний Кипрский. Панарий, ересь 69; русск. пер.: ч. IV, стр. 109.

<sup>96</sup> Феодорит Кирский. Церковная история, кн. I, гл. 2; русск. пер.: стр. 14—15.

местного духовенства развал: возникает арианство, сначала не как ересь, а как оппозиция Александру, и одновременно с арианством «коллуфианское движение». От Александра легко отпали не только Арий и Коллуф, но с ними целый ряд и других пресвитеров с клириками. К Арию на первых же порах пристают семь пресвитеров и двенадцать диаконов, — для александрийского духовенства того времени этого не мало. Откуда могло явиться у них такое недовольство своим новым архиереем, жизнь которого была, однако, «достохвальной»? Разгадку всему этому мы находим у арианского церковного историка Филосторгия, к словам которого в данном случае относиться с недоверием нет никаких оснований. Он прямо заявляет, что при выборах нового епископа после смерти Ахиллы «жребий архиерейства падал на Ария»<sup>97</sup>. Но если жребий падал на Ария, то как же случилось, что архиереем стал не он, а Александр? Несомненно, что на выборах происходила крупная борьба и все избиратели разделились на две партии: пресвитеры и прочие клирики стояли за Ария, народ же всецело был на стороне Александра. Если для пресвитеров Арий был их сослуживцем и даже приятелем и притом человеком передовым среди них, коему покойный Ахилла дал особенные полномочия и права, то для народа он был еще новичком, недавним мелитианином и запрещенным диаконом. В Александрии же народ видел пресвитера давнего и человека жизни достохвальной. Кроме того, за полтора года, истекших со дня мученической кончины св. Петра, в народе могла распространиться и укрепиться молва, что «последний из мучеников» пред кончиной своей желал Ахилле и Александру архиерейского сана. Слово доблестного мученика для верующих было законом. А так как народа на выборах было больше, чем клириков, то и кафедру получил большинством голосов Александр, а не Арий, который, видя свой провал, вынужден был лицемерно смириться и умолкнуть. Быть может, он с лицемерным великодушием подал вид, что и не искал себе кафедры. В этом только смысле и можно понимать замечание Филосторгия, что Арий уступил свой жребий Александру, ибо дальнейший ход событий показал, что свою неудачу на выборах он забыть не мог. Что касается выбиравших его пресвитеров, то, по-видимому, они сразу же повели себя в отношении к Александру демонстративно, почему древний писатель, которым воспользовался Севир ашмунайнский, и выразился не случайно, а намеренно, что по смерти Ахиллы «собрался народ». Но если бы поставление Александра завершилось возложением на него «народных» рук, то, при таком «гражданском» чине «посвящения», никто бы и совсем не признал Александра за епископа: ни александрийские пресвитеры, ни египетские епископы. Если при избрании на кафедру опора для Александра была в народе, то при вступлении на эту кафедру сила его была в епископах, так как на него были возложены «их руки», т. е. он получил действительное и правильное рукоположение от собора египетских епископов. Только это законное рукоположение, совершённое над Александром епископами, по избранию и требованию народа, и вынуждало александрийских пресвитеров и клириков подчиняться новому епископу, несмотря на то, что они не чувствовали к нему большого расположения.

17 апреля 328 года епископ Александр скончался (дата точно установлена проф. В. Болотовым). В преемники ему был избран молодой диакон Афанасий. Избрание его описано в известном уже нам Окружном послании собора египетских епископов 340 года. Афанасий был тогда еще молодым человеком, не более 30 лет от роду, состоял в сане диакона и занимал при епископе Александре должность письмоводителя. Но в этой должности он был не простым канцелярским работником, а ближайшим советником Александра. Св. Кирилл александрийский в своем 1-м посла-

<sup>97</sup> Филосторгий. Сокращение церковной истории, кн. I, гл. 3; русск. пер.: СПб., 1854, стр. 319. Филосторгий был ученый арианин, родом из Каппадокии, род. в 364 г., ум. после 425 г. Его Церковная история, состоявшая из 12 книг, сохранилась в сокращении, сделанном патриархом Фотием (857—886 гг.).



нии к египетским монахам писал о нем: «Хотя не занимал он епископского престола и оставался в клире, однако же, по остроте ума своего, по своей кротости и весьма тонкому и беспримерному благоразумию, был принят блаженной памяти епископом Александром как свой и жил со старцем, как сын с отцем, руководя его ко всему полезному и во всяком деле указывая ему лучший путь». Созомен же говорит: «Александрийский епископ Александр, отходя от этой жизни, оставил преемником своим Афанасия и к сему мнению приведен был, думаю, волею Божиею»<sup>98</sup>. Итак, избирается в епископы человек молодой, следовательно, полный сил и энергии, фактический правитель епархии, «хотя и не занимавший епископского престола»; избирается человек, на которого умиривший епископ указал, как на своего преемника. И что же мы видим? Епископы, которые до сих пор беспрекословно совершали хиротонию над избранниками клира и народа в Александрии, теперь вдруг не соглашаются по какой-то причине рукоположить Афанасия, так что народ в течение нескольких дней и ночей, не расходясь из храма, «вопиет, взывает, требует, заклинает» собравшихся епископов, желая видеть на александрийской кафедре именно Афанасия. Для нас в данном случае важны не те мотивы, по которым епископы хотели отклонить хиротонию Афанасия, а важна та основная причина, которая на этот раз вывела епископов из пассивного и безразличного состояния, так резко бросавшегося в глаза на всех предыдущих выборах, и заставила их критически отнестись к самим выборам. При такой постановке вопроса, т. е. при перенесении дела из сферы личных отношений египетских епископов к Афанасию в область церковного права, мы получаем разъяснение в известных уже нам словах Севера антиохийского: «Существовал также обычай, что епископ города, известного своим православием, города Александрии, был некогда нарекаем пресвитерами; но впоследствии, согласно с повсеместно принятым правилом, торжественное утверждение (избрания) епископа этого города стало совершаться руками епископов».

О каком «повсеместно принятом правиле» говорит здесь монофизитский патриарх? Он имеет в виду 4-е правило 1-го Вселенского Собора, которое гласит: «Епископу наиболее прилично поставляться (*κἀδίστασθαι*) от всех епископов той области. Если же это трудно или по настоятельной нужде или по дальнему пути, то по крайней мере да соберутся в одно место трое, а отсутствующие да изъявят свое согласие посредством грамот, и тогда совершать рукоположение. Начинать же таковые действия в каждой области надлежит ее митрополиту». Вселенский Собор этим правилом подтвердил ту практику, которая в церкви Христовой существовала изначала, как это можно видеть из свидетельства Карфагенского собора, происходившего в 254 г. под председательством св. Киприана. Этому собору, между прочим, пришлось заслушать апелляционную жалобу испанских епископов Сабина меридского и Феликса леон-асторгского на неправильное определение относительно их, сделанное римским епископом Стефаном. Карфагенский собор, решив дело в пользу этих епископов, писал в своем послании к меридской церкви: «По божественному преданию и апостольскому обычаю, должно хранить и содержать тщательно, что содержится и у нас и почти (*ferè*) во всех странах, чтобы для совершения правильного рукоположения к тому народу, для которого рукополагается предстоятель, сходились все ближайшие епископы той же провинции, и чтобы епископ избирался в присутствии народа, который жизнь всех знает самым полным образом и поведение каждого высмотрел из его обращения. Так, видим мы, поступлено и у вас при рукоположении соепископа нашего Сабина, избранного на место Василида. Ему дано было вами епископство и на него были возложены руки по избранию от всех братьев и по определению епископов, как прибывших на собрание, так и высказавших

<sup>98</sup> Созомен Эрмий. Церковная история, кн. II, гл. 17; русск. пер.: стр. 116.

свое согласие письмом»<sup>99</sup>. Но если та практика, о которой гласит 4-е правило Никейского Собора, была в христианском мире исконной, то что же побудило отцов Собора заговорить о ней и даже дать касательно ее особое правило?

Нужно иметь в виду, что Никейский Собор созван был по причине нестроений и волнений в александрийской церкви. Поэтому целый ряд правил, выработанных на этом Соборе, касался ближайшим образом именно этой церкви. Недаром еще упомянутый Карфагенский собор выразился, что изображенная им практика епископского избрания и рукоположения существует «почти (*fece*) во всех странах». Очень может быть, что отцы Карфагенского собора этим «почти» указывали именно на александрийскую церковь<sup>100</sup>. Из слов карфагенских отцов видно, что по господствовавшему тогда обычаю избрание епископов производилось с участием всех братьев, т. е. мирян, по определению епископов, из коих ближайшие принимали непосредственное участие как в избрании, так и в рукоположении нового епископа. Между тем на Вселенском Соборе 325 г., при всестороннем обсуждении причин и поводов к александрийским нестроениям, без сомнения, было обращено внимание на то, что сам «папа александрийский» был избираем без участия епископских голосов; ближайшие к Александрии епископы ограничивались совершением одного лишь рукоположения. Так как, при безмолвном и безучастном отношении епископов к выборам, главнейшая роль в таких случаях доставалась естественно пресвитерам, то это обстоятельство сильно влияло на положение самого епископа, а если пресвитеры по какой-либо причине вынуждались уступить народному требованию и давлению, то результатом такого неуспеха пресвитеров было положительное несчастье для епископа, как это и видим на Александре. Поэтому-то Никейский Собор 4-м своим правилом и устанавливает, когда именно епископы должны рукополагать. Это правило, как выясняет еще аббат Соллерий, решительным образом опровергает нелепую выдумку протестантов, а теперь и наших самосвятых о том, что александрийские епископы, рукополагались пресвитерами. Вселенский Собор в присутствии самого александрийского папы и более двадцати египетских епископов<sup>101</sup>, говорит не о пресвитерах, а исключительно о епископах, которые совершали хиротонию епископа, сами не принимая участия в его избрании. Собор требует от них «тогда совершать рукоположение», когда сами они в полном своем составе лично или письменно подадут свой голос за известного кандидата. Приведенное правило Вселенского Собора, таким образом, явственно указывает епископам на два действия: избрание епископа и рукоположение его. Распространяя это правило на всякое вообще поставление епископа, Собор требует, чтобы почин означенным действиям был полагаем митрополитом области. Но так как для Египта митрополитом области был александрийский епископ, то само собой разумеется, что почин в деле избрания и поставления последнего должен был принадлежать кому-то другому, вероятно, александрийскому пресвитерию. Когда Собор говорит о письменном согласии на избрание и рукоположение дан-

<sup>99</sup> Киприан Карфагенский. Творения, т. 1, стр. 317.

<sup>100</sup> Впрочем, *fece* значит не только «почти», но и «вообще», так что слова Карфагенского собора можно переводить и так: «содержится и у нас и вообще во всех странах».

<sup>101</sup> По исследованию Ле-Кьепа, эти епископы были следующие: 1. Арпократий навкратийский, Атлас схедийский, Кай фтенотский, Дорофей пелузийский, 5. Кай тмунтский, Дарий ринкокорурский, Филипп панефисский, Арбетий фарбетский, Адамантий нижнекинопольский, 10. Антиох мемфисский, Арпократий кинопольский, Тирант антиохийский, Плаузиан ликопольский, Тит паретонийский, 15. Серапион антифрский, Дахний вереникский, Зопир баркский, Секунд техвирский, Секунд толемаидский и 20. Феона мармарикский. Проф. Болотов, на основании коптских источников, указывает еще одного епископа, присутствовавшего на Никейском Соборе — Дия антеопольского из Фиваиды. Церковный историк Эрмий Созомен в числе присутствовавших на этом Соборе называет епископа Пафнутия из Верхней Фиваиды.

ного лица со стороны не явившихся епископов, то здесь разумеется не последующее за выборами согласие на признание уже выбранного лица,— ибо это порождало бы бесконечную волокиту и осложнение дела разногласиями,— а предварительное полномочие и доверенность общего характера, даваемые этими епископами нескольким «ближайшим» епископам. Собор требует, чтобы этих ближайших епископов, имеющих возможность и удобство прибыть на выборы и хиротонию епископа, было не менее трех.

Мы уже знаем, что в эпоху I Вселенского Собора в Александрийском диоцезе, обнимавшем собою Египет, Фиваиду, Ливию и Пентаполь, было очень много епископов: их «почти сто» присутствовало в Александрии на поместном соборе 340 года. А так как возможно, что на собор прибыли не все епископы, то действительное число их могло быть и больше ста. Это предположение подтверждается и словами Окружного послания епископа Александра о более раннем поместном александрийском соборе 318 г., созывавшемся против Ария: «Всех единомышленников Ария, всех этих бесстыдных людей и последователей их мы, с епископами Египта и Ливии, в числе близь ста, предали анафеме»<sup>102</sup>. Итак, число «близь ста» получалось даже без епископов отдаленных Фиваиды и Пентаполя. Что же это значит, что, по соборному определению, вместо ста (или даже более) египетских епископов, александрийского «папу» могут избрать даже трое епископов, ближайших к Александрии? Как это можно было допустить, чтобы три человека, по своему произволу и усмотрению, навязывали всему Египту, Фиваиде, Ливии и Пентаполю в митрополиты или патриархи своего собственного кандидата и избранника? Но в том-то и дело, что в действительности всё происходило совсем не так. В Египте первенствующим епископом (папой, митрополитом, патриархом) был непременно александрийский епископ; первенство чести и власти принадлежало не ему лично, а кафедре; в личности же александрийского епископа, как преемника св. Марка и как отца и учителя александрийцев, заинтересованы были именно сами александрийцы, в лице местных клириков и мирян. Поэтому и избрание александрийского епископа принадлежало прежде всего и главным образом православному населению Александрии. Участие народа в избрании епископов не отрицает и I Вселенский Собор, как это можно видеть из Послания данного Собора к александрийской церкви. Касаясь мелитианского раскола, Послание определенно говорит, что воссоединившиеся с православной церковью Мелитовы епископы могут занять вакантные архиерейские кафедры лишь при известных условиях, в том числе и таком: если будут «избраны народом»<sup>103</sup>. Менее чем через три года после I Вселенского Собора происходят в Александрии выборы св. Афанасия Великого. И мы уже видим, что он был избран именно народом. Следовательно, 4-е правило Никейского Собора не упраздняет старого порядка избрания епископов; оно только восполняет для Александрии состав избирателей введением в число их епископов.

Но что может значить участие в выборах епископа голос трех (даже пяти и более) епископов при наличии многосоставного клира и громадного количества мирян: в избрании, например, св. Афанасия участвовало «всё множество жителей, все, принадлежащие (в Александрии) к вселенской церкви». При такой массе избирателей голоса епископов могут совершенно затеряться. Но вот первая же, после Никейского Собора, архиерейская хиротония и показала, что голоса епископов ни в каком случае не могут затеряться. Вселенский Собор вводил не парламентский порядок, а исконно-церковный и священный, почему и св. Григорий Богослов говорит о св. Афанасии, что он «голосом народа, апостольским и духовным обра-

<sup>102</sup> Сократ Схоластик. Церковная история, кн. I, гл. 6; русск. пер.: стр. 19.

<sup>103</sup> Там же, гл. 9; русск. пер.: стр. 48. Феодорит Кирский. Церковная история, кн. I, гл. 9; русск. пер.: стр. 53.— Деяния Вселенских Соборов, русск. пер., т. 1, стр. 189.

зом взошел на престол св. Марка»<sup>104</sup>. Первые же выборы в Александрии в 328 г. епископа новым способом и показали самим делом, что значило 4-е правило Никейского Собора и каков его истинный смысл. Отцы Вселенского Собора, введя египетский епископат в состав избирателей александрийского епископа, разграничили в процессе избрания два момента, которые с того времени и именоваться стали различными терминами: самое «избрание» (ψῆφος) и «искус» (δοκίμασία). «Избрание» принадлежало клиру и народу вдовствующей епископии, а «искус» — собору епископов, которые должны были утвердить избрание и рукоположить избранного, удостоверившись в его догматических воззрениях, нравственных качествах и пастырских способностях. При избрании св. Афанасия в новом для Александрии порядке, установленном Вселенским Собором, епископы для первого раза (как и всегда бывает) произвели «искус» настолько строго, что церковь Христова едва не лишилась достойнейшего и великого святителя, и только неотступные мольбы народа склонили суровых епископов на милость. Это разграничение «избрания» и «искуса» сказывается и в вышеприведенных словах монофизита Авраама файюмского, обращенных к пресвитерам, при избрании преемника монофизитскому патриарху Косме I: «Конечно, епископы рукоположат вам только вашего избранника. Если вы предложите достойного, мы рукоположим его; в противном случае мы отвергнем его».

Итак, рассмотрение сказаний Севира ашмунайнского в связи с сообщениями других писателей дает нам возможность установить следующие положения:

- 1) В до-никейскую эпоху избрание александрийского епископа производилось городским клиром и народом;
- 2) единомыслие клира и народа на выборах часто создавалось завещанием умиравшего епископа, который намечал себе преемника;
- 3) египетские епископы в избрании александрийского епископа участия не принимали;
- 4) они совершали только рукоположение, не вдаваясь в рассуждения;
- 5) последние пред Никейским Собором выборы (313 г.) вызвали между клиром и народом чреватый бедственными последствиями конфликт; епископ Александр получил кафедру благодаря народу, но вопреки клиру;
- 6) Никейский Собор, полагая конец александрийским нестроениям, обязал египетских епископов участвовать в избрании александрийского епископа;
- 7) с введением епископов в состав избирателей, самый процесс избрания стал иметь два момента: собственно «избрание» и «искус», и
- 8) архиерейская хиротония стала совершаться епископами только после произведенного ими «искуса».

*(Продолжение следует)*

<sup>104</sup> Григорий Богослов. Творения, ч. II, М., 1889, стр. 148.